

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка

Выпускная квалификационная работа на тему:

ЮЖНОВЕЛИКОРУССКИЙ ВОКАЛИЗМ 17 ВЕКА

(НА МАТЕРИАЛЕ ОТКАЗНЫХ КНИГ)

Направление 032700 «Филология»

Выполнил: студент

Маргарита Вадимовна Спиричева

Научный руководитель: д. филол. наук, проф., Михаил Борисович Попов

Рецензент: к. филол. наук, ст. преп., Анастасия Игоревна Рыко

Санкт-Петербург

2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Особенности южновеликорусского вокализма и проблемы их происхождения	6
§1. Вокализм современных южновеликорусских говоров	6
1.1. Классификация видов безударного вокализма	6
1.2. Первый предударный слог	12
1.3. Другие безударные слоги	14
1.4. Рефлексы фонем /ô/ и /ê/ в южновеликорусских говорах	14
§ 2. Гипотезы о возникновении особенностей южновеликорусского вокализма	15
2.1. Проблема происхождения аканья.....	15
2.2. Вопрос об исходном типе аканья и дальнейшем развитии аканья-яканья	18
2.3. Причины утраты фонем /ô/ и /ê/.....	22
2.4. Переход /e/ > /o/	23
§3. Отражение особенностей вокализма в южновеликорусских памятниках XVI-XVII вв.	24
3.1. Вопрос об отражении вида предударного вокализма.....	24
3.2. Заударный вокализм.....	29
3.3. Вопрос о наличии /ê/ и /ô/ в южнорусских говорах XVII века.....	29
3.4. Отражение перехода /e/ > /o/	31
§4. Материал исследования.....	32
§5. Выводы.....	35
Глава 2. Отражение особенностей южновеликорусского вокализма в отказных книгах	37
§1. Предударный вокализм	37
1.1. Первый предударный.....	37
1.2. Второй предударный слог	53
§2. Заударный вокализм	55
2.1. Написание гласных в положениях, не испытывающих влияния морфологической аналогии	55

2.2. Написание гласных в закрытых слогах, испытывающих влияние морфологической аналогии	57
2.3. Конечный открытый слог	61
§3. Отражение перехода /e/ > /o/	64
§4. Фонемы /ô/ и /ê/	66
§5. Выводы	67
Заключение	70
Литература	72

Введение

Настоящее исследование посвящено проблеме вокализма в южновеликорусских говорах XVII века.

Исследование проводится на **материале** южновеликорусских отказных книг, изданных С. И. Котковым и Н. С. Котковой¹. Данные книги содержат записи, созданные на разных территориях, что позволяет сравнить их системы написаний и на основе такого сравнения выявить особенности вокализма отдельных говоров. Записи относятся к 1-й половине XVII века.

Изучение безударного вокализма XVII века является **актуальным**, так как без данных этого периода не складывается полное представление о развитии вокалической системы говоров до современного состояния.

В данной работе будут рассмотрены наиболее дискуссионные вопросы, касающиеся вокализма южнорусских говоров, и прежде всего, безударный вокализм после мягких согласных.

Одной из основных черт современных южнорусских говоров является **яканье** – неразличение безударных гласных неверхнего подъема при совпадении их после мягких согласных в /а/ хотя бы в части позиций. Это отличает их от большинства среднерусских говоров, характеризующихся **еканьем** (совпадение безударных гласных в /е/), и литературного языка, характеризующегося **иканьем** (совпадение безударных гласных в /и/). В зависимости от фонетических условий, в которых происходит совпадение фонем в /а/, выделяют разновидности яканья. Существует ряд нерешенных вопросов, касающихся происхождения и дальнейшей эволюции яканья.

Окончательно не решен вопрос о типе вокализма, который был свойствен исследуемым нами говорам в XVII веке: традиционно он характеризуется как яканье. Так, С. И. Котков, обращавшийся к данным памятников с разных южновеликорусских территорий, отмечает в них черты

¹ Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подготовили С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.

диссимилятивного яканья² (типа вокализма, при котором качество гласного первого предударного слога зависит от ударного гласного, расподобляясь с ним по подъему). Г. А. Хабургаев³, И. С. Новицкая⁴ и др. тоже трактовали данные памятников как отражение различных видов диссимилятивного яканья. Однако В. Н. Сидоровым было сделано предположение, что южнорусские памятники XVII века отражают еканье (тип безударного вокализма, при котором гласные неверхнего подъема совпадают в /e/)⁵.

Спорным также является фонемное значение неэтимологических написаний, т. е. вопрос о том, какая фонема выступает на месте нейтрализуемых гласных. Многие исследователи старались выяснить, какой звук стоял за определенной графемой.

Обычно в определении типа безударного вокализма имеется в виду позиция первого предударного слога, хотя можно говорить и о заударном яканье, еканье, иканье.

Заударный вокализм XVII века изучен в меньшей степени. Кроме того, в работе отдельно рассматриваются гласные после отвердевших шипящих и /с/, так как в современных говорах качество гласных может не совпадать с принципами вокализма, действующими в говоре после других согласных, чему существуют различные объяснения.

Также в исследовании затрагивается вопрос о фонемном составе говоров XVII века. Есть точка зрения, что фонема /ê/ еще сохранялась в южновеликорусских, по крайней мере, в ударных позициях, и точка зрения, что эта фонема уже была утрачена.

² Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963. С. 63-85.

³ Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Вокализм) // Учен. зап. Моск. обл. пед. института. 1966. Т. 163. Вып. 12. С. 300-304.

⁴ Новицкая И. С. Новосильские говоры в их истории и современном состоянии (фонетика и морфология). Автореф. дис. ... канд филол. наук. Л., 1959. С. 11.

⁵ Сидоров В. Н. Из русской исторической фонетики. С. 71-83.

В данной работе не рассматривается безударный вокализм после твердых парных согласных, так как не вызывает сомнений отражение в памятниках XVII века аканья в узком смысле.

Новизна исследования заключается в более детальном описании вокализма памятников с учетом различий в орфографии отдельных писцов, а также в анализе материала с фонологических позиций Щербовской школы.

Целью работы является установление особенностей южнорусского безударного вокализма XVII века на основе комплексного анализа орфографии писцов отказных книг.

Цель работы предполагает решение следующих **задач**:

1) Рассмотреть гипотезы о становлении систем вокализма южновеликорусских говоров, а также точки зрения на отражение особенностей вокализма в памятниках XVII века.

2) Выявить неэтимологические написания гласных, релевантные для отражения черт южнорусского вокализма.

3) Определить фонологическое значение выявленных случаев, используя как данные самих памятников (в первую очередь, позиционные особенности проводимых замен), так и обращаясь к данным современных говоров.

Для решения данных этих задач был выбран **описательный метод** с элементами **сравнительно-исторического метода**.

Работа состоит из введения, теоретической и практической глав, заключения и списка литературы. Во введении обосновывается актуальность и новизна исследования, формулируется его цель и основные задачи. В первой главе характеризуются виды безударного вокализма, рассматриваются вопросы развития вокализма в южнорусских говорах, приводятся гипотезы относительно вида вокализма, проявляющегося в памятниках XVII века, дается характеристика источника. Во второй главе проводится анализ материала, делаются выводы.

Глава 1. Особенности южновеликорусского вокализма и проблемы их происхождения

§1. Вокализм современных южновеликорусских говоров

1.1. Классификация видов безударного вокализма

Одной из основных отличительных черт южного наречия русского языка является аканье, в то время как северное наречие характеризуется оканьем.

Оканье традиционно трактуется как различие в безударных позициях гласных неверхнего подъема (/voda/, /trava/). Соответственно, **аканье** с синхронической точки зрения определяется как неразличение гласных фонем неверхнего подъема. При этом важно отметить, что такое неразличение диахронически является результатом изменения фонемы /o/ в /a/ (/vada/ < *voda).

Термин «аканье» употребляется и в более узком смысле – как неразличение фонем /o/ и /a/ только после твердых согласных, в то время как для аналогичного явления после мягких используется термин яканье.

Яканье – тип вокализма, при котором гласные неверхнего подъема (/e/, /o/, /a/) после мягких согласных в части позиций совпадают в /a/. Для обозначения типа вокализма, в котором аканье в узком смысле сочетается с яканьем, употребляется термин **аканье-яканье**. Этот тип вокализма характерен для южнорусского наречия (а также для белорусского языка).

Таким образом, термин «аканье» в широком смысле охватывает как аканье в узком смысле, так и яканье. При еще более широком понимании этого термина в аканье иногда включают и другие типы безударного вокализма после мягких согласных, так или иначе связанные с редукцией безударных гласных – еканье и иканье.

Еканье (или **эканье**), в отличие от яканья и иканья, встречается как в акающих, так и в окающих говорах. Это такой тип вокализма, при котором гласные неверхнего подъема после мягких согласных совпадают в /e/.

Встречается в среднерусских говорах, а также в некоторых окающих говорах. Еканье также было свойственно «петербургской норме» литературного языка.

Иканье – тип вокализма, при котором гласные неверхнего подъема после мягких согласных совпадают в /i/. Этот тип вокализма характерен для литературного языка и части современных акающих говоров.

В данной работе термин аканье будет употребляться в узком смысле.

При определении типа вокализма обычно учитывают позицию первого предударного слога, хотя можно говорить и о заударном аканье, яканье, еканье, иканье.

Отдельно рассматривают гласные после отвердевших шипящих и /с/, так как качество гласного, находящегося после них, может нарушать принципы вокализма после парных согласных, представленные в определенном говоре.

Существующие классификации типов безударного вокализма строятся на основе зависимости гласного предударного слога от различных фонетических условий. Это может быть зависимость от гласного ударного слога (диссимилятивный, ассимилятивный принцип), зависимость от мягкости следующего согласного (принцип умеренности). Кроме того, возможен тип вокализма, когда /a/ появляется во всех предударных слогах, вне зависимости от последующих согласных и ударных гласных (сильное аканье и сильное яканье).

В большинстве классификаций рассматриваются типы безударного вокализма, которые были зафиксированы в говорах. Т. Г. Строгановой предложен иной подход, заключающийся в построении моделей, отражающих различные принципы вокализма⁶. Причем, разграничиваются модели 2-х типов: перед твердыми согласными и перед мягкими согласными.

⁶ Русская диалектология / Под. ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964. С. 31-95. Раздел написан Т. Ю. Строгановой.

Комбинирование этих моделей позволяет создавать теоретические, не отмеченные в современных говорах разновидности.

Выделяют две основные разновидности аканья – диссимилятивное и недиссимилятивное (сильное). При **недиссимилятивном (сильном) аканье** этимологические /a/ и /o/ всегда совпадают в /a/. При **диссимилятивном аканье** гласный предударного слога зависит от гласного ударного слога, расподобляясь (диссимилируясь) с ним по подъему. Перед ударным гласным верхнего подъема гласные неверхнего подъема совпадают в /a/, перед гласным нижнего подъема появляется гласный не нижнего подъема (его принято обозначать как «не-а»).

Ударные гласные среднего (/e/, /o/) и верхне-среднего (/ê/, /ô/) подъемов могут выступать либо в качестве гласных верхнего подъема, либо в качестве гласных нижнего подъема. Верхне-средний подъем сохранялся на момент возникновения аканья. В зависимости от «фонологического» поведения гласных среднего и верхне-среднего подъемов в ударных слогах различают 3 модели диссимилятивного аканья:

1. Гласные /e/, /o/, /ê/, /ô/ в ударном слоге выступают как гласные верхнего подъема: в предударном слоге гласные совпадают в /a/. Данная модель вокализма носит название жиздринского (белорусского) типа аканья.

2. Гласные /ê/, /ô/ в ударном слоге выступают как гласные верхнего подъема: в предударном слоге гласные совпадают в /a/. Гласные /e/, /o/ в ударном слоге выступают как гласные нижнего подъема: в предударном слоге произносится «не-а». Данный тип аканья имеет два названия – обоянский и архаический, причем, название «архаический» не нужно понимать как «древнейший» (хотя он и считается самым ранним в работах А. А. Шахматова, Р. И. Аванесова, Г. А. Хабургаева и др., которые будут рассмотрены ниже). «Архаичность» состоит в различном поведении фонем среднего и верхнесреднего подъема, что свидетельствует о возникновении этого типа вокализма до исчезновения фонем /ô/, /ê/.

3. Гласные /e/, /o/, /ê/, /ô/ в ударном слоге выступают как гласные нижнего подъема: в предударном слоге произносится «не-а». Эта модель считается гипотетической – полного соответствия ей не обнаруживается⁷. Наиболее близким этой модели является прохоровский тип аканья (другое название – донской тип аканья⁸, по аналогии с донским типом яканья).

Помимо диссимильятивного принципа в говорах может действовать ассимильятивный принцип, заключающийся в уподоблении предударного и ударного гласного по подъему (**ассимильятивно-диссимильятивное аканье**).

Существуют также различные «переходные» случаи от оканья к аканью (полновский, гдовский, неполное оканье), в которых /a/ и /o/ различаются только в некоторых положениях.

Так же, как и в случае сильного аканья, при **сильном яканье** гласные неверхнего подъема всегда совпадают в /a/.

Другие типы яканья разграничиваются по трем принципам: принцип диссимильятивности, принцип умеренности, принцип ассимильятивности.

Как и в случае аканья в узком смысле, в говорах с **диссимильятивными типами яканья** происходит диссимильяция по подъему гласных предударного и ударного слогов. Разновидности выделяются в зависимости от поведения гласных среднего и верхнего-среднего подъемов.

1. Архаический тип: как и в обоянском типе диссимильятивного аканья, гласные /ê/, /ô/ в ударном слоге выступают как гласные верхнего подъема: в предударном слоге гласные совпадают в /a/. Гласные /e/, /o/ в ударном слоге выступают как гласные нижнего подъема: в предударном слоге произносится «не-а». Архаический тип яканья подразделяют на обоянский («не-а» = /e/) и задонский («не-а» = /i/).

2. Жиздринский (белорусский): гласные /e/, /o/, /ê/, /ô/ в ударном слоге выступают как гласные верхнего подъема.

⁷ Русская диалектология / Под. ред. П. С. Кузнецова. М., 1973. С. 50.

⁸ Русская диалектология / Под. ред. В. В. Колесова. М., 1998. С. 63.

3. Донской тип: гласные /e/, /o/, /ê/, /ô/ в ударном слоге выступают как гласные нижнего подъема.

4. Щигровский тип: гласные /ê/, /ô/, /o/ в ударном слоге выступают как гласные верхнего подъема, гласный /e/ – как гласный нижнего подъема.

5. Дмитриевский (старобузский⁹) тип: гласные /ô/, /ê/, /e/, выступают в ударном слоге как гласные верхнего подъема, гласный /o/ – как гласный нижнего подъема

6. Суджанский тип: гласный /ô/, выступает как гласные верхнего подъема, гласные /o/, /ê/, /e/, – как гласные нижнего подъема.

Щигровский, суджанский и дмитриевский типы диссимилятивного яканья не находят соответствий с разновидностями диссимилятивного аканья.

Принцип умеренности заключается в зависимости реализации гласного предударного слога от твердости-мягкости последующего согласного. Когда этот принцип представлен в чистом виде, говорят об **умеренном яканье**. В говорах с таким типом вокализма перед твердыми согласными на месте гласных неверхнего подъема выступает /a/, перед мягкими согласными – «не-а».

Существуют типы вокализма, в которых принцип умеренности сочетается с принципом диссимиляции. Традиционно выделяют два вида яканья, в которых происходит такое совмещение:

а) Умеренно-диссимилятивное яканье – умеренность перед твердыми (совпадение в /a/), диссимилятивность перед мягкими.

б) Диссимилятивно-умеренное яканье – диссимиляция перед твердыми, умеренность перед мягкими согласными (совпадение в «не-а»)¹⁰.

Совмещение принципа умеренности с принципом диссимилятивности можно допустить и в суджанском и щигровском типах вокализма. Позиция перед /e/, /ê/ также является позицией перед мягкими согласными, позиция

⁹ Русская диалектология / Под. ред. Н. А. Мещерского. М., 1972. С.105.

¹⁰В классификации Т. Г. Строгановой эти типы рассматриваются как сочетания ассимилятивно-диссимилятивной модели и диссимилятивной.

перед /o/, /ô/ является позицией перед твердыми согласными. Различная реализация гласных предударного слога перед гласными может объясняться зависимостью от мягкости-твердости согласного. Можно говорить о действии принципа умеренности, действующем перед гласными среднего и верхнесреднего подъёма¹¹:

1. Щигровский тип – принцип умеренности перед твердыми, принцип диссимиляции перед мягкими согласными.

2. Суджанский – принцип диссимиляции перед твердыми, принцип умеренности перед мягкими согласными.

Подобная зависимость от последующего согласного прослеживается и в дмитриевском типе: принцип диссимиляции перед твердыми, принцип умеренности перед мягкими.

Таким образом, можно выделить всего три типа «чистого» диссимилятивного яканья: архаический, жиздринский и донской.

Принцип ассимилятивности (предударный гласный уподобляется ударному по подъему) не существует в чистом виде. В классификациях выделяют ассимилятивно-диссимилятивное яканье.

К ассимилятивно-диссимилятивному яканью традиционно относят следующие типы вокализма: кидусовский, новосёлковский, кутулковский, ореховский, бельский.

Традиционно считается, что эти разновидности возникли на основе диссимилятивных типов яканья путем наслоения на них ассимилятивности. Поэтому в некоторых классификациях¹² эти виды вокализма определяются как ассимилятивно-диссимилятивный тип на основе соответствующего диссимилятивного типа: кидусовский – на основе суджанского, новосёлковский – на основе щигровского, кутулковский – на основе мосальского, бельский – на основе донского. Исключением является

¹¹ Смирнова Ю. В. Способы описания типов яканья в южнорусских диалектах – теоретический и методический аспекты // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания. Горловка, 2010. С. 291.

¹² Русская диалектология / Под. ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005. С. 47.

ореховский тип, так как в современных говорах не обнаруживается сходного диссимилятивного яканья.

Подобная классификация является уязвимой в нескольких аспектах. Прежде всего, это отсутствие основы для ореховского подтипа. Во-вторых, если рассматривать щигровский, суджанский подтипы как сочетающие принципы умеренности и диссимилятивности, придется признать, что в данном случае работают все три принципа – умеренности, диссимилятивности, ассимилятивности¹³.

Подробное изучение систем новоселковского и кидусовского подтипов вокализма в сравнение их с «соответствующими» подтипами щигровского и суджанского вокализма было проведено К. Ф. Захаровой. Её исследование показало, что эти разновидности не связаны генетически: в основе указанных типов так называемого ассимилятивно-диссимилятивного яканья не лежат щигровское и суджанское яканье, так как система новоселковского и кидусовского яканья, содержащая /ô/ и /ê/, не могла развиваться из систем, которые этих фонем не имели¹⁴.

В положении «не-а» обычно выступает фонема /i/. Однако, как уже было указано выше, архаическое яканье подразделяют на обоянский и задонский типы на основании того, что в первом на месте не-а выступает /i/, а во втором – /e/. Также фиксировалось умеренное яканье с /e/ перед мягкими согласными¹⁵.

1.2. Первый предударный слог

Согласно ДАРЯ, одной из основных черт южного наречия являются виды яканья, характеризующиеся диссимилятивностью (диссимилятивное, умеренно-диссимилятивное, ассимилятивно-диссимилятивное)¹⁶. Однако на

¹³ Кудрявцев Ю. С. Относительная хронология типов аканья по данным лингвистической географии // Язык и текст: Межвузовский сборник. СПб., 1998. С. 95.

¹⁴ Захарова К. Ф. Пути изменения диалектных систем предударного вокализма // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 56.

¹⁵ См. подробнее Сидоров В. Н. Указ. соч. С. 8-9.

¹⁶ Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970. С. 94.

территории южного наречия отмечается и умеренное яканье, отличающее тульские говоры¹⁷.

Исследователи, занимающиеся описанием отдельных говоров, также отмечали в некоторых из них действие сильного яканья (например, в части брянских¹⁸ и воронежских¹⁹ говорах). Кроме того, в некоторых говорах зафиксировано еканье (например, на севере Воронежской области²⁰). В говорах также встречается иканье.

Многими исследователями отмечается, что в говорах не наблюдается «чистых моделей» вокализма. К примеру, обоянское яканье не наблюдается «в полном виде», в Обоянском районе Курской области, где оно было впервые обнаружено, зарегистрирован тип вокализма, близкий к суджанскому яканью²¹. Исследователями указывается на влияние видов вокализма друг на друга и влияние литературного языка.

Стоит сказать, однако, что описания современных говоров имеют множество недостатков. Внимание сосредоточено на описании первого предупредительного слога, система обозначений не единообразна, данные являются результатом слухового анализа (или получены с помощью опросников), и поэтому недостаточно объективны. Работы, в которых проведен спектральный анализ, все же существуют (см. например, описание елецких говоров Г. Н. Межецкой²² и монографию Д. М. Савинова²³).

¹⁷ Там же. С. 136.

¹⁸ Родионова-Нащокина А. М. Об особенностях фонетики говоров брянской области // Брянские говоры. Вып. 3. Л., 1975. С. 8-9.

¹⁹ Гринкова И. П. Воронежские диалекты // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 55. Л., 1947. С. 202-203.

²⁰ Там же.

²¹ Волкова Н. А. Фонетика курских говоров в истории и современном состоянии. Автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2004. С. 22.

²² Межецкая Г. Н. Вокализм первого предупредительного слога после мягких согласных в елецких говорах // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Вып. 99. СПб., 2009. С. 169-173.

²³ Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013.

1.3. Другие безударные слоги

Во втором предударном слоге часто наблюдается неразличение гласных неверхнего подъема, причем, на этом месте может произноситься как передний гласный, так и гласный [a]²⁴.

В заударных слогах отмечаются различные морфологические влияния, самым важных из которых является влияние твердой основы на мягкую. Р. И. Аванесов отмечает в безударных окончаниях от мягких основ звучание [a] наряду с [ъ] в тех позициях, где это можно объяснить влиянием твердого типа²⁵.

В позициях, не испытывающих морфологических аналогий, наблюдается неразличение фонем, причем после мягких согласных наблюдается произношение как гласных переднего ряда, так и гласных заднего ряда²⁶.

Особым образом характеризуется положение конечного открытого слога, так как в этом положении может не быть количественной редукции. В конечном открытом слоге возможен [a] после мягких согласных²⁷. В этом случае говорят о заударном яканье.

1.4. Рефлексы фонем /ê/ и /ô/ в южновеликорусских говорах

В говорах на месте фонем /ê/ и /ô/ в ударной позиции могут произноситься дифтонги (типа [iê] и [yô]), монофтонги верхне-среднего подъема [ê] и [ô], а также гласные ниже-среднего подъема [e] и [o]²⁸.

О совпадении фонем /ê/ с /e/ и /ô/ с /o/ можно говорить не только в тех случаях, когда на месте этих фонем произносится [e] и [o], но и в случаях, когда на месте всех этих фонем произносятся гласные средне-верхнего подъема. О сохранении фонем можно говорить только при различных

²⁴ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949. С. 110.

²⁵ Там же. С. 116-121.

²⁶ Кузнецов. П. С. Русская диалектология. М., 1960. С. 72.

²⁷ Аванесов Р. И. Указ. соч. С. 118.

²⁸ Савинов Д. М. Указ. соч. С. 82.

фонетических реализациях этимологических /ô/ и /o/, /ê/ и /e/. О противопоставление фонем /o/ и /ô/, /e/ и /ê/ (или, по крайней мере, о следах бывшего противопоставления) также свидетельствуют архаическое аканье и яканье.

В безударном положении фонема /ê/ утрачена: как и на месте других гласных неверхнего подъема, на месте этимологической /ê/ могут выступать /a/, /i/, /e/. Фонема /ô/ невозможна в безударном положении в силу своего происхождения из /o/ под восходящей интонацией.

§ 2. Гипотезы о возникновении особенностей южновеликорусского вокализма

2.1. Проблема происхождения аканья

Вопрос о происхождении аканья осложняется отсутствием письменных памятников с южнорусских территорий, написанных ранее XV века. Спорными местами являются время возникновения, место возникновения, причины возникновения и первоначальная разновидность аканья. Все эти вопросы взаимосвязаны. Считается, что более древние особенности должны находиться не в центре, а на периферии, поэтому в зависимости от принятия того или иного вида аканья-яканья за древнейший тип можно построить разные пути развития остальных разновидностей, их относительную хронологию.

Существует несколько гипотез происхождения аканья. Часть из них предполагает, что аканье и оканье развивались параллельно, согласно же другой части гипотез, аканье возникло из оканья. Современная наука придерживается второй точки зрения.

Из гипотез, предполагающих позднее появление аканья, наиболее признанной является редуционная теория, согласно которой аканье развилось из оканья в результате редукции безударных гласных неверхнего подъема. Впервые эта теория была предложена А. А. Шахматовым (ранее им

же было высказано одно из первых предположений о параллельном развитии двух типов вокализма).

По мысли А. А. Шахматова, сначала сократилась длительность всех гласных неверхнего подъема, вызвавшая совпадение их после твердых согласных в звуке, обозначаемом им как ъ (или α), а после мягких в звуке, обозначаемом им как ε. Затем перед ударными гласными верхнего и верхне-среднего подъемов произошло удлинение этих гласных, перед ударными гласными среднего и нижнего подъемов ъ и ε не изменились²⁹. Таким образом, согласно этой теории, древнейшим типом аканья является диссимилятивное.

На данный момент сторонники редуциционной теории склоняются к тому, что аканье возникло не раньше падения редуцированных. Такой вывод был сделан Л. Л. Васильевым³⁰ при изучении обоянского аканья, и изначально касался только диссимилятивного яканья, однако был распространён на аканье-яканье вообще, так как обоянское яканье считалось древнейшим. С точки зрения редуциционной теории вывод о появлении аканья после падения редуцированных подкрепляется еще и тем, что в противном случае рефлексы этимологических редуцированных могли совпасть с рефлексами [ъ] и [ε] из гласных неверхнего подъема.

Н. С. Трубецкой³¹ и Р. О. Якобсон³² связывали возникновение аканья со сменой мелодического ударения динамическим (Н. С. Трубецким также учитывается утрата количественных различий). Л. Л. Касаткин рассматривает возникновение аканье в рамках общей тенденции к

²⁹ Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. С. 331-343.

³⁰ Васильев Л. Л. Гласные в слове под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Известия ОРЯС. Т. 9. Кн. 1. 1904. С. 336-355.

³¹ Трубецкой Н. С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства (1925) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 143-167.

³² Jakobson R. Remarques sur l'evolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929. С. 83.

ослаблению напряженности артикуляции³³. По его мнению, эта тенденция затрагивает и другие процессы, происходившие в истории русского языка – утрата носовых, падение редуцированных, утрата гласных верхне-среднего подъема.

В работе А. А. Шахматова не поясняются причины удлинения гласных. О. Брокком было предложено фонетическое объяснение такого изменения³⁴. Гипотеза получила развитие в трудах С. В. Князева и его коллег³⁵, где ей также было дано название квантитативной теории³⁶.

Эта теория также предполагает редукцию гласных до звука типа [ъ], [ь], но дальнейшее изменение связывает не с подъемом ударных гласных (как фонологическим признаком), а с их длительностью (фонетическим признаком): как известно, длительность верхних гласных меньше, чем длительность нижних. Таким образом, длительность предударного гласного компенсаторно убывала по мере понижения подъема (= увеличением длительности) ударного гласного.

Существуют и фонологические объяснения данного явления (В. Г. Руделев³⁷, Г. А. Хабургаев³⁸). Наиболее последовательное объяснение, учитывающее многие условия системы, принадлежит В. В. Колесову³⁹.

По мысли В. В. Колесова, возникновение аканья обусловлено комплексом причин: ритмической неустойчивостью слова, являющейся следствием колебания ударения; утратой количественных различий как

³³ Касаткин Л. Л. Из истории аканья-яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010, № 2 (20). С. 83.

³⁴ Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916. С. 57–59.

³⁵ Князев С. В., Шаульский Е. В. Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 210-224.

³⁶ Этот термин иногда употреблялся и в отношении теории А. А. Шахматова, см. напр. Колесов В. В. О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье // Вопросы языкознания. 1964, № 4. С. 66.

³⁷ Руделев В. Г. К фонологической интерпретации русского аканья // Вопросы языкознания. 1963, № 2. С. 30-38.

³⁸ Хабургаев Г. А. О фонологических условиях развития русского аканья // Вопросы языкознания. 1965, № 6. С. 55-65.

³⁹ Колесов В. В. О некоторых особенностях фонологической модели... С. 66–79.

результатом падения редуцированных. Важным условием стали невозможность фонемы /ô/ и утрата фонем /ê/ в безударном положении, что привело к непропорциональности ударной и безударной подсистем, имеющих соответственно 8 и 6 фонем (включая /ы/). «Происходит фонологическое перераспределение гласных в двух системах, образуется компактная группа безударных гласных фонем неверхнего подъема с важной особенностью — неопределенного образования, ненапряженные»⁴⁰. Переход /e/ > /o/ под ударением также способствовал изменению безударного вокализма: теперь ударным /e/, /ê/, /o/ соответствовала безударная /e/, ударным /o/ и /ô/ – безударная /o/, т. е. образовались «пересекающиеся ряды». Возникла тенденция к появлению в безударной позиции гласных, которые бы не образовывали пересекающихся рядов с ударными гласными: /a/ после твердых согласных и /i/ после мягких согласных⁴¹. В силу этой тенденции еканье развивается в иканье⁴². Такое объяснение не предполагает изначального совпадения фонем в одном редуцированном звуке.

В данной работе развитие аканья-яканья рассматривается в соответствии с этой теорией.

Наконец, нужно отметить, что яканье возникло позже аканья. Яканье развилось после развития корреляции по твердости-мягкости.

2.2. Вопрос об исходном типе аканья и дальнейшем развитии аканья-яканья

По мнению А. А. Шахматова, древнейшим является диссимилятивное аканье, соответствующее обоянскому типу. Сильное же аканье возникло из диссимилятивного благодаря обобщению [a] на другие предударные слоги (на месте этимологических гласных неверхнего подъема).

⁴⁰ Там же. С. 76.

⁴¹ Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980. С. 198.

⁴² Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 2009. С. 135.

Современные сторонники количественной теории, вслед за Н. ван Вейком⁴³, предполагают развитие диссимильного аканья из недиссимильного. При этом они принимают во внимание ту модель аканья, которая считается гипотетической (которой наиболее отвечает прохоровское аканье). Этой модели сторонниками количественной теории дается название «протодиссимильного» аканья. Развитие аканья предполагается ими по следующей схеме: недиссимильное > протодиссимильное > диссимильное⁴⁴.

В решении вопроса о первичном типе яканья наблюдаются такие же расхождения. Р. И. Аванесов считал первичными диссимильное архаическое яканье. Развитие других типов вокализма, по его мнению, произошло благодаря распространению ассимильности сначала в положении перед твердым согласным, потом перед мягким согласным. Таким образом, историю развития типов яканья можно представить в следующей схеме: диссимильное > умеренно-диссимильное > ассимильно-диссимильное > сильное⁴⁵.

Другой точки зрения придерживался Н. ван Вейк, считавший древнейшим сильное яканье. При этом, по его мнению, разные типы вокализма появились разным способом. С одной стороны, из сильного яканья развилось диссимильное, с другой стороны, из сильного яканья появилось умеренное, а из того – ассимильное (сильное > диссимильное; сильное > умеренное > ассимильное). Совмещение умеренного и диссимильного принципа породило умеренно-диссимильные типы (в том числе, суджанское и щигровское яканье)⁴⁶.

Последующие исследования разрешили вопрос о преемственности ассимильного и диссимильного аканья-яканья, выявив глубинное

⁴³ Wijk N. Van. Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje // *Slavia*, XIII, 1934–1935, № 4. С. 640–654.

⁴⁴ Князев С. В., Шаульский Е. В. Указ. соч. С.213.

⁴⁵ Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // *Вопросы языкознания*. 1952, № 6. С. 31.

⁴⁶ Wijk N. Van. Указ. соч. С. 640–654.

различие между этими видами: диссимилятивное аканье и недиссимилятивное аканье-яканье имеют разную ритмическую структуру⁴⁷.

Ритмическая структура – «внешняя звуковая сторона оформления слова (“звуковая оболочка”) как целого качественного образования, обладающего технической выделяемостью независимо от наличия или отсутствия у него “внутренней (семантической) определенности»⁴⁸.

Для современного литературного русского языка характерна ритмическая структура, выражаемая так называемой «формулой Потебни»: 1-2-3-1-1, где цифрами обозначено распределение силы между ударными и безударными гласными и различие их тембра. В настоящее время специфика гласного в рамках фонетического слова рассматривается по следующим параметрам: тембр, интенсивность, длительность, тон и напряженность. Выделяют три вида ритмических структур:

1. Волнообразный контур – усиление редукции в соседстве с ударным гласным и ее ослабление через 1 слог (2-1-3-1-2);

2. Контур «сильный центр и слабая периферия» – 1-2-3-1-1 для современного русского языка, 1-3-3-1-1 для старомосковского произношения;

3. Совмещенный контур представляет собой сочетание предыдущих моделей и имеет две разновидности: а) 2-1-2-3-2-1 при ударных гласных верхнего и верхнесреднего подъемов; б) 1-2-1-3-1-2 при ударных гласных среднего и нижнего подъемов.

Волнообразный контур наблюдается в некоторых севернорусских говорах (и, вероятно, он был также свойствен древнерусскому языку). Совмещенный контур характерен для говоров с диссимилятивным аканьем, контур «сильный центр – слабая периферия» наблюдается в говорах с сильным аканьем. Таким образом, согласно выражению Л. Л. Касаткина, «различие между диссимилятивным и сильным яканьем возникло в

⁴⁷ Касаткин Л. Л. Указ соч. С. 89-90; Савинов Д. М. Указ. соч. С. 13-79.

⁴⁸ Высоцкий С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973. С. 17-18.

результате реализации одной и той же фонетической модели – аканья, т. е. произношения [а] на месте безударных /о/ и /а/, в говорах с разной ритмической структурой слова»⁴⁹. В некоторых говорах может происходить замена диссимилятивного яканья на сильное, но этот переход связан с изменением ритмической структуры.

Что касается видов диссимилятивного яканья (архаического, жиздринского и донского), возможно, они развились одновременно. Разница между ними может заключаться в том, что в говорах, характеризующихся донским и жиздринским яканьем, на момент развития появления этого типа вокализма отсутствовали фонемы /ê/ и /ô/⁵⁰.

Причина различия диссимилятивного и недиссимилятивного яканья состоит в различной ритмической структуре слов, формирование же принципов умеренности и ассимилятивности этим не объясняется.

Возникновение умеренного яканья в некоторых говорах В. Н. Сидоров объясняет наложением недиссимилятивного аканья-яканья на окающую модель владими́ро-поволжского типа. Эта модель в представлении В. Н. Сидорова представляет собой ёканье: после мягких гласные совпадают в /о/ перед твердыми и в /е/ перед мягкими. Под влиянием аканья /о/ заменилось на /а/, в то время как /е/ в некоторых говорах сохранялось, а в некоторых перешло в /и/⁵¹. Несмотря на то, что эта точка зрения оспаривалась К. Ф. Захаровой⁵² (указывающей на отсутствие ёканья во владими́ро-поволжских говорах), данная гипотеза является значимой, так как предполагает возможность возникновения /а/ после мягких согласных не в результате совпадения /е/ и /а/, а совпадения /о/ и /а/.

Ассимиляция предударного слога ударному была характерна для древнерусского языка (*мѣзинець* > *мизинец*), с этой точки зрения

⁴⁹ Касаткин Л. Л. Указ. соч. С. 90.

⁵⁰ Кудрявцев Ю. С. Указ. соч. С. 101.

⁵¹ Сидоров В. Н. Указ. соч. С. 7-15.

⁵² Захарова К. Ф. Время и причины утраты ъ в Москве //Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность/ Отв. ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова. М., 1999. С. 21.

ассимиляция предударного гласного ударному /а/ объяснима. Однако существует несколько иная трактовка. Ю. С. Кудрявцев объясняет образование ассимилятивно-диссимилятивного яканья наложением «ассимилятивного еканья» на сильное яканье (т. е. появление фонемы /e/ перед гласным среднего подъема), после чего /e/ > /i/⁵³.

Это подводит к вопросу о соотношении двух вариантов фонем в положении «не-а». Еще Н. Н. Дурново рассматривал задонское яканье (характеризующееся /e/ в этом положении) первичным для остальных⁵⁴. Возможно, что на месте «не-а» изначально находилась фонема /e/, которая потом изменилась в /i/ (которая наблюдается в большинстве современных говоров). Это предполагаемое изменение соответствует обоснованной В. В. Колесовым тенденции к появлению /i/ в безударном положении.

2.3. Причины утраты фонем /ô/ и /ê/

Существуют фонетические объяснения утраты [ê] (к ним, например, можно отнести предположение Л. Л. Касаткина, который связывает исчезновение фонем с тенденцией к монофтонгизации дифтонгов⁵⁵), а также фонологические.

Считается, что утрата /ê/ в южнорусских говорах произошла сначала в безударном положении⁵⁶, причем осуществлялось это в тех говорах, где существовало противопоставление /o/ и /ô/. Невозможность /ô/ в безударном положении, объясняющаяся происхождением этой фонемы из /o/ под восходящим ударением, создавала пустую клетку в системе безударного вокализма, для ликвидации которой фонема /ê/ исчезла в безударном положении.

⁵³ Кудрявцев Ю. С. Указ. соч. С. 105.

⁵⁴ Дурново Н. Н. Ответ проф. Е. Ф. Будде // Известия ОРЯС, 1919. Т. 24. Кн. 2. Пг., 1923, стр. 369.

⁵⁵ Касаткин Л. Л. Утрата <ѣ> в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке // Современные русские говоры. М., 1991. С. 14-22.

⁵⁶ Васильев Л. Л. К истории звука ѣ в Московском говоре XIV – XVII вв. // Известия ОРЯС. Т. 10. Кн. 2. 1905. С. 177-227.

Исчезновение фонемы /ê/ под ударением в части говоров связано с переходом /e/ > /o/. После этого перехода /e/ стала невозможна в позиции перед твердыми согласными, что привело к отсутствию противопоставления /e/ и /ê/⁵⁷.

В говорах с архаическим видом яканья на момент возникновения этого типа вокализма фонемы верхне-среднего подъема сохранялись под ударением.

Нужно также отметить, что /ê/ рано утрачивался позиции после /j/. А. А. Шахматов объяснял эту утрату тем, что на звук, обозначаемый ѣ, представлял собой дифтонг [iê], и первая его часть [i] совпадала с предшествующим йотом, который на тот момент являлся неслоговым гласным⁵⁸. Благодаря этому явлению в дальнейшем стал возможен переход /e/ > /o/ в словах с этимологическим /ê/ после /j/ (например, в словоформе *еть*).

Утрата /ô/ произошла в силу её неустойчивости (не существовала в безударном положении) и исчезновения /ê/.

2.4. Переход /e/ > /o/

Это изменение не является особенностью южного наречия, поэтому не будем подробно останавливаться на причинах этого перехода. Важно отметить, что наблюдается почти во всех современных южнорусских говорах.

Принято различать «древнерусский» (или «древнеукраинский») и «собственно русский» переход /e/ > /o/.

Первый происходил после исконно мягких согласных (единственных на тот момент мягких согласных) перед гласными непереднего ряда как в ударной, так и в безударной позиции. Его свидетельствами являются написания **о** после шипящих и аффрикат, встретившиеся в ранних документах, написанных на территории современной Украины (например,

⁵⁷ Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. С. 189.

⁵⁸ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 28.

написания *чоловъка, съкажомъ, имощому* в Изборнике 1073)⁵⁹. Переход /e/>/o/, происходящий в этих условиях, наблюдается в украинском языке. Вопрос о том, происходил ли этот переход в великорусских говорах, является спорным (см. ниже предположение С. И. Коткова).

Собственно русский переход /e/>/o/ осуществлялся после возникновения корреляции по твердости-мягкости и происходил в ударном слоге перед твердым согласным (в некоторых северных говорах было возможно распространение /o/ на безударное положение).

§3. Отражение особенностей вокализма в южновеликорусских памятниках XVI-XVII вв.

3.1. Вопрос об отражении вида предударного вокализма

Как уже было отмечено выше, с южновеликорусских территорий не дошло памятников старше конца XV века. Сохранившиеся документы, исследованы недостаточно (в меньшей мере, чем севернорусские), и одной из причин этого является сложность чтения скорописи⁶⁰. Во 2-й половине XX века большая работа по введению в научный оборот и изданию скорописных южнорусских деловых памятников была проделана С.И. Котковым и его сотрудниками.

Если отражение аканья в южновеликорусских памятниках не вызывает сомнений, то написание гласных после мягких согласных трактуется по-разному.

Как было отмечено выше, С. И. Котков находит в памятниках этого периода отражение **диссимилятивного** яканья⁶¹. Подход к выявлению диссимилятивности является довольно своеобразным – ученый рассматривает массу текстов, созданных на разных территориях, за

⁵⁹ Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907. С. 59; Шахматов А. А. Указ. соч. С. 120-121.

⁶⁰ Котков С.И. Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973. С. 6.

⁶¹ Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. С. 63.

промежуток, составляющий около столетия. В своем исследовании С.И. Котков скорее исходит из установки о первичности диссимильятивного яканья в говорах, чем выводит это из материала (т. е. рассуждает дедуктивно). Кроме того, он не включает в исследование тульские говоры, характеризующиеся умеренным яканьем. Один из главных аргументов в пользу отражения диссимильятивности состоит в том, что на месте этимологического гласного неверхнего подъема перед слогом с ударным гласным /a/ (т. е. на месте «не-а» при диссимильятивном яканье) встречается написание **и**, например: *двинатцати, Савка Ступанов; пичалица, жерибят, с тримья дочерьми*⁶². В то же время, встречаются написания **я** на месте этимологического /e/, /ê/ перед гласными верхнего подъема: *лебядиног(о), невялик, гряхихи; сянняя покосы*. Особенно убедительными ученому кажутся случаи написания у одного и того же писца: *завсягды* и *завсегда*. Тип диссимильятивного яканья С. И. Котков не определяет. Высказывается предположение о замене принципа диссимильятивности ассимильятивностью, что, по его мнению, происходило к концу века.

Тем не менее, С. И. Котков отмечает написание **е** на месте **я**, характерное для многих текстов (например, *евляет, девеноста, поменут, об(ъ)евили* и т. д.). Ученый объясняет такую замену «нейтральностью» отражения редукации, подразумевая обозначение буквой **е** предполагаемого А. А. Шахматовым редуцированного, специальной графемы для обозначения которого не существовало.

Иначе приведенные С. И. Котковым примеры с **е** на месте /e/, /ê/, /a/ трактует В. Н. Сидоров⁶³, который считает их отражением **еканья**, полагая, что за написаниями **е** и **я** стоит звук, близкий к [e].

Учитывая выявленные С. И. Котковым следы диссимильятивности, В. Н. Сидоров вводит понятие **диссимильятивного еканья**, предполагающего произношение [eⁱ] перед ударными гласными нижнего подъема и [e^a] перед

⁶² Там же. С. 69.

⁶³ Сидоров В. Н. Указ. соч. С. 71-83.

гласными верхнего подъема. Таким образом, если по предположению С. И. Коткова к XVII веку диссимильативное яканье уже сформировалось и начало испытывать влияние ассимильативности, то с точки зрения В. Н. Сидорова, в XVII веке в южнорусских говорах господствовал иной тип вокализма – еканье, впоследствии сменившийся яканьем.

Предполагаемое В. Н. Сидоровым диссимильативное еканье не засвидетельствовано ни в одном говоре («обычное» еканье, хотя и не типично для южнорусских говоров, все же встречается в некоторых их них). Кроме того, «диссимильативность» предложенного вида вокализма не является фонологической: она заключается в позиционных особенностях звука, тогда как диссимильация в фонологическом смысле представляет собой расподобление фонем, замену одной фонемы на другую. Рациональное зерно теории В. Н. Сидорова состоит в том, что она дает иное истолкование написанию *е* на месте иных этимологических гласных, рассматривая эту графему как обозначение «полноценного» звука [e], а не как обозначение редуцированного, а также в том, что буква *я* может обозначать [e].

При таком рассмотрении мен гласных В. Н. Сидоров опирается на трактовку волоколамских памятников В. В. Ивановым⁶⁴, который интерпретирует написание *е* на месте этимологических /e/, /ê/, /a/ как еканье (которое наблюдается в современных волоколамских говорах). В этих памятниках также встречаются написания *я* (▲), *а* на месте этимологического /e/: *волводы, ничаво, Щалкова, полявую, семдасатного*⁶⁵. хотя и гораздо реже, чем в южнорусских грамотах. Причем, замен *е* на *я* (▲) больше в грамотах XVII-XVIII вв., чем в грамотах XV века. По мнению В. В. Иванова, такие написания могут рассматриваться как проникновение яканья: появление *я* на месте /e/ перед твердыми согласными – влияние умеренного яканья, появление *я* перед мягкими согласными – «какой-то иной» вид

⁶⁴ Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV-XVIII вв. К вопросу о складывании и развитии средневеликорусских говоров на территории вокруг Москвы // Учен. зап. Института славяноведения АН СССР. Т 19. М., 1960. С. 203-287.

⁶⁵ Там же. С. 245

яканья. В. Н. Сидоров, в свою очередь, считает такую трактовку неубедительной, расценивая написания буквы **я** на месте этимологического /e/ как гиперкорректные, и отрицает влияние умеренного яканья⁶⁶.

В курских памятниках XVII века Г. А. Хабургаев находит отражение диссимилятивного яканья архаического типа. Им отмечаются только написания с **е** на месте «не-а»: *дьечка, девеноста, премои, актебря*. Так же, как и С. И. Котков, он считает, что буквой **е** обозначался редуцированный гласный. «Можно предполагать, что южновеликорусские писцы передавали буквой *e* предударный *ь*, который произносился после мягких согласных в соответствии и *ь* после твердых. В силу своей «неустойчивости» этот сильно редуцированный гласный в одних говорах (например, задонских) со временем совпал с *e* (от которого артикуляторно не отличался), в других – с *и*»⁶⁷. Переход [ь]>[и], по мнению Г. А. Хабургаева, осуществлялся во 2-й половине XVII века.

Особенно занимательно в этой трактовке утверждение «артикуляторного» тождества редуцированного гласного и [e]. Даже если предположить, что редукционная гипотеза верна и гласные изначально совпадали в одном редуцированном звуке, подобное утверждение неверно с точки зрения фонологии: при разной длительности невозможно артикуляторное тождество между двумя фонемами, количественные различия всегда поддерживаются качественными. Создается впечатление, что Г. А. Хабургаев интуитивно осознавал, что за написанием **е** стоит /e/, и только принципы Московской фонологической школы, возможно, мешали ему сделать такой вывод.

На основании примеров из отказных книг Е. А. Галинская предполагает наличие в брянских говорах XVII века жиздринского яканья: *от ряки*,

⁶⁶ Сидоров В. Н. Указ. соч. С. 57.

⁶⁷ Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия... С. 301. «Неустойчивость» - определение Р. И. Аванесова.

Голянищев, озярище, яму (= ему), яе (= её)⁶⁸. В свою очередь Н. А. Хвостова трактует данные Карачевской отказной книги как отражение яканья суджанского или кидусовского типа: *яму, Пятрушка, Смолявитуцкому, надяльной земли*⁶⁹. В обоих случаях сомнительно, что столь небольшое количество примеров является достаточным для точного определения вида яканья. Также Н. А. Хвостова отмечает иканье, причем выявлены написания вроде *декова поля* (вместо *дикого*), которые могут быть гиперкоррекцией⁷⁰.

И. С. Новицкая устанавливала для новосильских говоров ассимилятивно-диссимилятивное яканье. Как проявление диссимилятивности ею рассматриваются написания **я** перед гласным верхнего подъема (*с дятьми, чатьре, яму*) иписание **и** перед гласными нижнего подъема (*воивали, воявода, на нидъли, давидетца*). Как отражение ассимилятивного принципа рассматривались примеры *з дерявными, у мяня, двянатцать*⁷¹.

В воронежских грамотах Т. В. Жарких⁷² находит следы диссимилятивности, не уточняя вида диссимилятивного яканья.

В других предударных слогах С. И. Котков и Г. А. Хабургаев отмечают мену гласных **я** и **е**, трактуя это как отражение редукции⁷³.

⁶⁸ Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002. С. 208.

⁶⁹ Хвостова Н. А. Вокализм 1-го предударного слога после мягких согласных в карачевских говорах начала XVII в.

URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/hvostova_na.doc.pdf

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Новицкая И. С. Новосильские говоры в их истории и современном состоянии (фонетика и морфология). Автореф. дис. ... канд филол. наук. Л., 1959. С. 11.

⁷² Жарких Т. В. Язык воронежских грамот XVIII в. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Воронеж, 1953. 19 с.

⁷³ Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии... С. 75-78;

Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия... С. 305.

3.2. Заударный вокализм

В закрытых заударных слогах С. И. Котковым, Г. А. Хабургаевым отмечается как мена \ е на я, так и обратная мена. Буква е, по мнению ученых, обозначает редуцированный [ь] (как и в предударных слогах).

С. И. Котков указывает, что при изучении заударного вокализма важно учитывать возможность влияния морфологических факторов, т. е. действие различных аналогий. Какие именно аналогии могут влиять на написание гласных, он подробно не рассматривает.

В работе Б. И. Осипова, Л. П. Батыревой и Е. Б. Сухоцкой, проведенной на материале как южнорусских, так и среднерусских говоров, было отмечено, что в основном замена е на я происходит в тех флексиях и суффиксах, в которых она может объясняться влиянием твердого типа⁷⁴. Например, Тв. п. ед. ч. существительных основы на –jo флексия –ем заменяется на –ам по аналогии с окончанием от твердой основы, в акающем говоре обладающим фонемным составом /am/ (ср. написания *с угодьям, с братам*). Написание я вместо е в некоторых конечных открытых слогах также подходит под выравнивание по твердому типу (ср. написания флексий И.-Вин. п. ед. ч. ср. р: *дерева, поля*).

Кроме того, ученые отмечают, что такая замена в основном происходит перед твердыми согласными, в то время как перед мягкими встречается написание е. Позиция перед мягким согласным трактуется Б. И. Осиповым и его коллегами как наиболее выгодная для редукции.

3.3. Вопрос о наличии /ê/ и /ô/ в южнорусских говорах XVII века

В южновеликорусских памятниках XVII века имеет место ситуация, близкая наблюдаемой в московских памятниках. Под ударением е и ъ последовательно различаются, в безударной позиции наблюдается тенденция

⁷⁴ Осипов Б. И., Батырева Л. П., Сухоцкая Е.Б. Взаимодействие фонетических и морфологических факторов в развитии падежных форм в русских акающих говорах XV-XVIII вв. // Фонетика и письмо в их развитии: Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1992. С.30-39.

к написанию **е**. К. Ф. Захарова отмечает, что большинством ученых эта закономерность рассматривалась как сохранение /ê/ под ударением, и доказывает обратное: различие **ѣ** и **е** является лишь орфографической чертой. Она считает, что после перехода **е** > **о** фонема /e/ стала невозможной перед твердыми согласными, что привело к утрате противопоставления /e/ и /ê/. При этом графема **ѣ** стала обозначать /e/, тогда как **е** в положении перед твердыми согласными обозначала /o/ (</e/)⁷⁵.

С. И. Котков выявляет в южновеликорусских памятниках зависимость написания **ѣ** под ударением и **е** в безударной позиции, рассматривая эту закономерность как правило, от которого возможны отклонения. Эти закономерности он считает не орфографическими, а фонетическими.

При интерпретации таких написаний С. И. Котков опирается на «реликтовые» данные современных говоров – дифтонгические гласные на месте этимологического /ê/, а также наличие [ê] в некоторых говорах. Отмечая написание **и** вместо **ѣ**, встречающееся обычно в положении перед мягкими согласными, он предполагает на месте **ѣ** в большей части южнорусских говоров XVII века произношение [ие], а для некоторых говоров – [ê]. Наблюдаемая тенденция к написанию **е** на месте **ѣ** в безударных положениях интерпретируется С. И. Котковым как совпадение в звуке [e]⁷⁶. На основании этих наблюдений ученый приходит к выводу, что совпадение /ê/ и /e/ во всех позициях в южнорусских говорах – явление относительно новое.

Г. А. Хабургаев также обнаруживает замену **ѣ** на **и** в курских памятниках, но как написания сравнительно редкие. Он отмечает смешение **ѣ** и **е** в позициях под ударением, указывая прежде всего на положение перед мягкими согласными. Г. А. Хабургаев полагает, что и в позиции под ударением произошло совпадение /ê/ и /e/, а написания **ѣ** являются

⁷⁵ Захарова К. Ф. Время и причины утраты **ѣ** в Москве. С. 18-25.

⁷⁶ Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. С. 35-52.

орфографической чертой, аргументируя свою точку зрения наличием смещения графем в ударных позициях⁷⁷.

В южновеликорусских памятниках не наблюдается специальных графических средств обозначения фонемы /ô/, указания на ее наличие (или бывшее существование) могут быть лишь косвенными. С. И. Котков считал, что реликты /ô/ скрываются за написанием у на месте буквы о⁷⁸.

3.4. Отражение перехода /e/ > /o/

Отражение собственно русского перехода /e/ > /o/ перед твердыми согласными затруднено тем, что не существовало графемы, которая, обозначая фонему /o/, передавала бы и мягкость согласного. Однако следы этого перехода отмечались в южнорусских памятниках XVII века. Его отражение более обычно после шипящих и ц (Г. А. Хабургаев указывает, что такие написания «постоянны и почти не знают исключений»⁷⁹), однако встречаются написания с о на месте е и после парных согласных⁸⁰.

С. И. Котков указывает на возможность отражения древнего перехода /e/ > /o/ в безударных слогах. По его наблюдению, после шипящих и /с/, которые в южновеликорусских говорах отвердели, наблюдаются мены е на а (я) в предударных и заударных слогах, причем в предударных слогах зависимости от ударного гласного не выявляется⁸¹. С. И. Котков настаивал на необходимости проведения исследования написаний после всех непарных согласных.

С этой точкой зрения полемизирует Г. А. Хабургаев, отмечая наличие написаний а вместо ѣ в примерах *цана* и *цала* (вместо *цѣна* и *цѣла*). Как известно, /ê/ не переходил в /o/. Ученый объяснял подобные написания влиянием модели аканья после твердых согласных. Кроме того,

⁷⁷ Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. С.288.

⁷⁸ Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. С. 28.

⁷⁹ Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. С.282

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Котков С.И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. С. 70-72.

Г. А. Хабургаев предполагал, что гласные после шипящих могли оказать влияние на изменение гласных после /čʹ/⁸².

Заметим также, что особая ситуация после шипящих и /с/ наблюдается и в памятниках, написанных на среднерусских территориях: в неконечных и закрытых слогах наблюдаются колебания в написаниях *а* (*я*) или *е*. Например, это явление отмечает В. В. Иванов, объясняя его произношением после шипящих неясного по своей артикуляции редуцированного звука⁸³.

§4. Материал исследования

Материалом нашего исследования являются отказные книги, опубликованные С. И. Котковым в издании «Памятники южнорусского наречия: Отказные книги»⁸⁴. В издание входят Белгородская, Брянская, Воронежская, Елецкая, Карачевская, Курская Мценская, Новосильская, Орловская и Рыльская отказные книги. Записи относятся к 1-й половине XVII в.

К этому времени русский язык утратил ряд присущих ему в прошлом особенностей. Для нашего исследования важны следующие изменения, завершившиеся к началу XVII в.: отверждение шипящих, переход /e/ > /o/ перед твердыми согласными, распространение флексий *-ам*, *-ами*, *-ах* в парадигме множественного числа.

В отказных книгах отражаются такие диалектные особенности характерные для южнорусских говоров, как:

1. взаимная мена *а* и *о*, являющаяся отражением аканья;
2. взаимная мена *у* и *в*, свидетельствующая о наличии в говорах билабиального /w/ и переходе /w/ > /u/ в позиции перед согласным;
3. написание *х* и *хв* на месте /f/ в словах из литературного языка, отражающее субституцию инодиалектного /f/ → /x/ ~ /xw/;

⁸² Хабургаев Г.А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. С. 305

⁸³ Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV-XVIII вв. С.247

⁸⁴ Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подготовили. С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.

4. обозначение мягкости *к* после мягкого согласного (как результат прогрессивного ассимилятивного смягчения)⁸⁵.

Отказные книги содержат документы («отказы»), по которым уездные власти отводили помещикам земельные владения, а также документы, по которым один помещик передавал часть земли другому (так называемые «отдельные книги»).

«Отказные книги» являются деловым памятником, написанным приказным языком. Историки русского языка обращают внимание на то, что приказной язык может широко отражать особенности живого диалектного произношения. Б. А. Успенский отмечал: «При обучении церковнославянскому языку, как правило, учили читать, т. е. язык усваивался преимущественно пассивно, тогда как при обучении приказному языку учили писать, т. е. язык этот осваивался активно»⁸⁶.

В приказном языке обнаруживается широкая область орфографической вариативности. Некоторые черты можно считать собственно орфографическими (например, взаимозаменяемость *и/і*), другие же следует рассматривать как отражение фонетических особенностей⁸⁷.

Одной из черт этой разновидности литературного языка является наличие ряда устойчивых формул⁸⁸. В отказных книгах начальная формула состоит в указании даты и юридических актов, по которым производится передача земли. Благодаря наличию формул некоторые слова повторяются у разных писцов, и можно проследить различия в написаниях. Однако важно учитывать, что некоторые формы могут писаться машинально, без проверки произношением.

⁸⁵ Ващенко Т.Ф. Отражение локальных черт в старинном письме южновеликорусов // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М., 1991. С. 146.

⁸⁶ Успенский Б.Ю., Живов В.М. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века // International Journal of Slavic Linguistic & poetic, XXVIII. 1983, p. 151.

⁸⁷ Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М., 1998. С. 38.

⁸⁸ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. Спб.. 2005. С. 321.

Важным преимуществом деловых документов является перечисление имен свидетелей и указание самого писца в конце текста. Так как данными документами закрепляется передача земли, в текстах частотны топонимы. Считается, что написания имен собственных в меньшей степени подлежит нормализации и потому отражает фонетические процессы.

Указание имени писца является преимуществом в том отношении, что можно выявить различия в орфографических системах писцов. Однако сложность для исследования представляет количество писцов: их насчитывается 143, кроме того, в каждом документе есть «приложения руки», сделанные другими лицами. В некоторых документах имя писца не указано, их рассматриваем как отдельные системы (в этом случае указываем дату записи).

В целом форма делового документа не предполагает лексического разнообразия (не отражается обиходно-семейная, народно-поэтическая речь⁸⁹), узкий круг лексики в определенной степени затрудняет анализ фонетики. В текстах встречается социальная и юридическая терминология, а также названия различных географических реалий.

Книги в основном содержат оригинальные (т. е. не переписанные с других памятников) записи. Это исключает машинальное, не проверяемое произношением переписывание.

Памятник является не акцентуированным, что может вызывать определенные проблемы при изучении его безударного вокализма.

Как уже было указано выше, отдельную проблему при исследовании вокализма XVII века составляет то, что памятники этого периода, в основном, написаны скорописью, что затрудняет их чтение и интерпретацию. Из-за невозможности обратиться к рукописи, некоторые гипотезы строятся на основе других исследований. В результате возникают случаи, когда одни и те же примеры переходят в другие издания. Например, вывод об отражении еканья в южновеликорусских памятниках был сделан В. Н. Сидоровым лишь

⁸⁹ Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. С. 3.

на анализе примеров, приведенных в работе С. И. Коткова, а не на результатах самостоятельного исследования грамот.

Орфография издания не упрощенная. Различаются **л**, **я** (графема, возникшая в скорописи из **л**) и **л̣** (**л** йотированное).

Многие гипотезы о развитии типов вокализма выдвинуты до публикации «Отказных книг». В то же время, исследования, на них основанные, опираются на редуционную теорию (что проявляется, в частности, в предположении об обозначении буквой **е** редуцированного [ь]).

К «Отказным книгам» в своих исследованиях обращались С. И. Котков⁹⁰, Е. А. Галинская⁹¹, Б. И. Осипов⁹² и другие исследователи.

§5. Выводы

В данной главе была приведена классификация основных видов безударного вокализма, рассмотрены основные гипотезы развития южновеликорусского вокализма, проанализированы основные взгляды на отражение вокализма в памятниках южнорусской письменности 16-17 вв.

В современных говорах, история вокализма которых рассматривается в исследовании, наблюдаются разные виды диссимилятивное яканье. Качество гласных предударного слога может зависеть от твердости-мягкости последующего согласного и подъема ударного гласного. В заударных слогах возможно влияние различных морфологических аналогий.

Основные работы, посвященные южновеликорусскому вокализму XVII века, опираются на редуционную гипотезу и рассматривают написание как проявление диссимилятивного яканья. Однако существует мнение, что яканье появилось позже, и памятники XVII века отражают еканье. Обе точки зрения нуждаются в проверке.

Если рассматривать материал с фонологических позиций, трактовка неэтимологического написания **е** как обозначение редуцированного звука [ь]

⁹⁰ Котков С. И. Отказные книги // Вопросы языкознания. 1969, №1. С.30-34.

⁹¹ Галинская Е. А. Указ соч. С. 208.

⁹² Осипов Б. И., Батырева Л. П., Сухоцкая Е. Б. Указ соч. С. 30-39.

неприемлема: 1) буквами обозначаются значимые для носителей языка различия; 2) предполагаемый А. А. Шахматовым редуцированный гласный, до которого могли сократиться гласные предударного слога, не принимается во внимание фонологической теорией появления яканья.

Глава 2. Отражение особенностей южновеликорусского вокализма в отказных книгах

§1. Предударный вокализм

1.1. Первый предударный слог

1.1.1. Общие замечания

После мягких согласных в первом предударном слоге встречаются неэтимологические написания букв **е**, **я**, **и**. Количества выявленных замен недостаточно, чтобы точно определить тип вокализма, однако на их основании можно сделать некоторые наблюдения.

В отказных книгах почти не встречается написаний буквы **и** на месте гласных неверхнего подъема (Кар. отк. кн: *силуць* л. 558. Орл. отк. кн.: *Гримячий* л 1078). Эти написания находятся на месте этимологического /e/, что может быть свидетельством иканья (т. е. следствием изменения /e/ > /i/), а не яканья. Кроме того, написание **и** в форме *силуц* можно рассматривать как антиципацию (или как межслоговую ассимиляцию ударному /i/).

Нужно отметить преобладание написаний **е** вместо **я**.

При производимых подсчетах не учитываются написания *по именам*, *знамячко*, *племенник/племянник*, так как они могут быть вызваны морфологическими влияниями (*имя*, *знамя* и т. п.). То же относится к написаниям **а/я** в разносклоняемых словах вроде *брянчанин* вм. *бренченин* (ср. *брянчане*). Отдельно приводятся:

1) случаи замен в суффиксах прилагательных *дрвяной*, *водяной*, *Костяной*, допуская, что на написание могло повлиять смешение суффиксов -ан- и -енн-. Рассматривать отдельно слово *дрвяной* также вынуждает особенная частотность неэтимологических написаний в этом слове (из 94 употреблений этимологически верное написание имеют только 37).

2) случаи замены в форме *полевые (полявые)*, так как в этом случае могла иметь место морфологическая аналогия.

3) написания слов с неясной или спорной этимологией (напр., фамилия *Дебилов/Дябилов*). Для остальных слов, понимание изначального фонемного состава которых может вызвать затруднение, приводится этимология.

Только в Воронежской книге количество написаний **я** вместо **е** превосходит количество обратных замен: 14 написаний **я** вместо **е**, 5 написаний **е** вместо **я**.

В Брянской, Елецкой, Карачевской, Курской, Новосильской и Мценской и Орловской отказных книгах встречаются написания **я** вместо **е**, однако их число не превосходит количества обратных замен. В Белгородской и Рыльской отказных книгах встретилось минимальное количество написаний **а (я)** вместо **е** (соответственно 2 и 1 случай), в то время как написания **е** на месте /а/ в них довольно частотны. Разумеется, отсутствие замен в этих книгах не объясняется отсутствием слов, в которых они были бы возможны, так как лексический состав отказов отличается в незначительной степени.

Исходя из преобладания неэтимологических написаний **е** (по крайней мере, в Белгородской и Рыльской книгах) можно сделать предположение, что в этих книгах отражается еканье (ср. трактовку написаний в волоколамских памятниках В. В. Ивановым⁹³). В книгах, содержащих большее количество замен, может отражаться яканье с /е/ в положении «не-а», если написания **я** вместо **е** и **е** вместо **я** разводятся позиционно. В любом случае необходимо доказать, что буквой **е** обозначается фонема /е/, и объяснить появление обратных замен, для чего нужно обратиться к данным современных говоров, а также проанализировать орфографию самих текстов: позиционную обусловленность замен, замены на другие буквы (напр., **о** или **ѣ**).

1.1.2. Данные современных говоров

Согласно описаниям современных диалектов, еканье более характерно для северного наречия и среднерусских говоров, однако на территории

⁹³Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV XVIII вв. С.208-256.

южного наречия оно тоже фиксируется, например, на севере Воронежской области.

В современных говорах, характеризующихся яканьем, в позиции «не-а» обычно выступает гласный переднего ряда верхнего подъема [i]. Однако выделяется одна разновидность диссимилятивного яканья с [e] перед гласными нижнего и ниже-среднего подъёмов (задонское яканье). Некоторые исследователи отмечают [e] в предударных слогах и при других типах яканья. Например, в брянских говорах А. Б. Пеньковский отмечал наличие вида диссимилятивного яканья, в котором в качестве «не-а» выступает [e]. Исследователь характеризовал этот тип как умеренно-диссимилятивное яканье с отклонениями в ассимилятивно-диссимилятивное⁹⁴. В воронежских говорах И. П. Гринкова отмечала тип яканья, в котором перед ударным /a/ выступают то [a], то [e]⁹⁵. Наконец, зафиксировано умеренное яканье с произношением [e] перед мягким согласным⁹⁶. Таким образом, фонема /e/ на месте этимологической /a/ возможна, что позволяет толковать графему е как обозначение /e/.

1.1.3. Написание ъ на месте /a/

Одним из аргументов в пользу гипотезы о совпадении гласных неверхнего подъема с /e/ может служить написание ъ на месте исконного /a/. При общем смещении е и ъ в безударных позициях подобная замена говорит о том, что на месте этимологического /a/ уже возникла фонема /e/. В Белг. отк. кн. у писца Костьки Артельного слово *десятина* пишется как с буквой е во втором слоге, так с ъ: *а то дикоя поля | измѣрил в десѣтины а десетину мериль | в длину по асמידесят сажен* [л. 702].

Написания ъ вместо я также встречаются в слове *дровяной*. В Белг. отк. кн. такое написание встречается 1 раз в записи Ивашки Холевина: *дравѣнои*

⁹⁴ Пеньковский А. Б. Фонетика говоров западной Брянщины. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1967. С.12-15.

⁹⁵ Гринкова И. П. Указ. соч. С. 202-203.

⁹⁶ Сидоров В. Н. Указ. соч. С. 8-9.

л. 469 об. В Рыльск. отк. кн. замены производят 3 писца: Данилка Моклоков: *дровѣнои* л. 328, *дровѣнои* л. 419 об.; Алешка Катунин: *дровѣног* л. 600; запись от 15 июня 1634: *дровѣнои* л. 478, *дровѣнои* л. 480 об. и *дровеног* л. 481 об., *дровеног* л. 483.

В Нов. отк. кн. у писца Федьки Руденского встретилось написание *липѣга* л. 23 об. (*липяг* 'возвышенность, покрытая липовым лесом'⁹⁷).

Таким образом, в говорах этих писцов на месте этимологической /а/ находилась фонема /е/ в позиции перед гласными среднего подъема как перед твердыми, так перед мягкими согласными.

1.1.4. Позиционная обусловленность замен

1.1.4.1. Тенденция к написанию *я/а* после /j/ и /ѣ/

Большое количество написаний *я* вместо *е* происходит после исконно мягких согласных /ѣ'/, /j/. Существует точка зрения, что южновеликорусские памятники могут отражать переход *е* > *о*, происходивший в древнерусском языке после исконно мягких согласных перед твердыми. В результате аканья /о/ (</е/) изменялась в /а/, что, соответственно, могло обозначаться графемами *а*, *я* (▲).

Написания *а/я* вместо *е* после /ѣ'/ перед твердым согласным встречаются в Брянской Воронежской, Курской, Орловской, Мценской и Новосильской отказных книгах, а также в Белгородской и Рыльской книгах, где эти написания являются единственными случаями замены *е* на *я* после мягких согласных.

Белг. отк. кн.: *чатырнотцат* л. 816 об., *насечана* л. 27. **Рыльск. отк. кн.:** *со пчалами* л. 79. **Орл. отк. кн.:** *чатыри* л. 375, *чатыряста* л. 849 об., *чатыря* л. 927 об., *чатыря* л. 929 об., *чатыряста* л. 1163. **Мценск. отк. кн.:** *к чатырем* л. 269 об. **Нов. отк. кн.:** *чатыря* л. 863 об. **Вор. отк. кн.:** *чатыряста* л. 36 об., *чатыряста* л. 42 об.

⁹⁷ СРНГ. Т. 17. С.60.

Написания **а** вместо /je/ перед твердым согласным встречаются в Брянской, Воронежской, Карачевской, Курской, Мценской, Новосильской, Орловской отказных книгах.

Кар. отк. кн. яму л. 409 об. **Брянск. отк. кн. яму** л. 561. **Мценск. отк. кн. яму** л. 49, **яму** л. 49 об., **вояводы** л. 268 об. **Нов. отк. кн. вояводы** л. 396; **вояводы** л. 513, **вояводы** л. 396, **яво** л. 22 об.. **Курск. отк. кн. яму** л. 267, **яму** л. 663, **вояводы** л. 69.

Также обнаружены написания **я** на месте /jê/, которые нуждаются в иной трактовке. **Вор. отк. кн. недоязжая** л. 71. **Курск. отк. кн. въязати** л. 664. Даже если считать, что в данном случае /je/ < *jê, переход /e/ в /o/ не мог произойти перед мягким /ž'/. Такое написание может быть связано с древним колебанием *ja-/*jě- (ср. *jaxati*/*jěxati, *jasti*/*jěsti).

В Курск. отк. кн. встретилось написание **Явимов** л. 664 об. Нельзя сказать точно, какое произношение стояло за буквой **ѵ**. Если произносился мягкий согласный /x'/, данный пример не отвечает условиям древнерусского перехода /e/>/o/ и требует другого объяснения. Если же **ѵ** читалось как /xw'/, условия перехода соблюдались.

С другой стороны, в отказных книгах встречаются и обратные замены в позиции после непарных мягких согласных (особенно много их после /j/ в словах *ноября*, *дьячок*, *яруга*, *ясеновый*). При этом одни писцы склонны к написаниям **я** вместо **е**, а другие – к написаниям **е** вместо **я**. Только в записи 3-х писцов замены взаимнообратны:

Орл. отк. кн. Михалка Леонтьев: диека л. 1073 и **яму** л. 1073 об., л. 1259 об. **Нов. отк. кн. Якушка Автомонов: ноябрь** л. 396 и **вояводы** л. 396, **Якушка Попов: дьечок** л. 515 и **вояводы** л. 513.

Обратим внимание на то, что написание **я** вместо /je/ встречается, в основном, в формах личного местоимения *ему*, *его*, *её*, существительном *воеводы*, числительном *четыре* и его дериватах. Возможно, произошла лексикализация изменения /e/>/o/, изменение закрепилось только в этих словах.

Примерам Рыльск. отк. кн. *со пчалами* и Белг. отк. кн. *насечана*, которые не встречаются в других книгах, можно дать и другое толкование. Написанию *со пчалами* в Рыльской отк. кн. предшествует написание *беза пчол*, отражающий переход /e/>/o/. Этот переход мог распространиться и на безударную позицию (ср. это явление в севернорусских говорах⁹⁸). То же относится и к замене в форме *насечана* (ср. *насечён*). Однако возможность отражения древнего перехода e>o не исключена.

Любопытно, что в некоторых современных говорах, характеризующихся иканьем, ученые выявляли произношение [a] в некоторых словах: С. С. Высоцкий отмечал это произношение [a] в местоимениях [javo], [jamu], и иногда [tvъjavo], [svъjavo], [mъjavo]⁹⁹, Л. Н. Булатова приводила произношения [javo], [č'avo]¹⁰⁰. Эти случаи трактовались как следы умеренного яканья.

В связи с вопросом об отражении древнерусского перехода /e/>/o/ необходимо проанализировать написания в других слогах. Далее в §1 написания после /č'/ и /j/ будут приводиться отдельно.

Таким образом, написание графемы **а** после /č'/ и /j/ перед твердыми согласными может отражать не совпадение фонем /e/ и /a/ (т. е. механизм действия яканья), а совпадение /o/ и /a/ (механизм аканья).

1.1.4.2. Белгородская отказная книга

Как уже было сказано выше, написания **а** вместо **е** в Белг. отк. кн. встречаются только после непарных мягких согласных.

- I. **а** вместо **е** (2): *чатырнотцат* л. 816 об., *насечана* л. 27,
- II. **е** вместо **я** (33): *втенулся* л. 4 – л. 4 об., *девятнадцат* л. 123 об., *десетины* л. 26 об. (2 р.), *десетины* л. 27, *десетину* л. 124, *десетину* л. 124 об.

⁹⁸ Русская диалектология / Под. ред. Мещерского. С. 103.

⁹⁹ Высоцкий С. С. Юго-западные подмосковные говоры. К проблеме переходных говоров. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1941. С. 46-47.

¹⁰⁰ Булатова Л. Н. О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 1. М.-Л., 1947. С. 65.

десетину л. 234, *десетину* л. 359 об., *в десетины* л. 337 об (2 р.), *петидесят* л. 511 об., *десети* л. 513, *десетины* л. 710, *десетины* л. 730, *дѣсетину* л. 710, *дѣсетину* л. 730, *дѣсетину* л. 800 об., *в десетину* л. 702, *Резанцавым* 124 об., *сентября* л. 739, *сентября* л. 3, *бгевленської* л. 27 об., *бгевленскова* л. 122 об., *бгевленскова* л. 198 об., *дичок* л. 179 об., *дѣка* л. 510., *богевленскои* л. 198., *дѣчок* л. 819 об., *еруги* л. 468; *еругу* л. 337, *дѣчок* л. 819 об., *богевленскогo* л. 859;

III. **е** вместо **я** в суффиксе прилагательного *дровенои* (10).

Слово *яруга* ‘овраг’ имеет тюркское происхождение (ср. тат. *jaɣuk* ‘щель’, чагат. *jaɣuk* ‘щель’¹⁰¹).

В Белг. отк. книге написания **е** вместо **я** встречаются почти во всех положениях: перед мягкими и перед твердыми согласными при ударных гласных всех подъемов, в связи с чем можно сделать предположение, что в этой книге отражается еканье.

1.1.4.3. Рыльская отказная книга

В Рыльской отказной книге написания **а** вместо **е** также встретилось только после непарных согласных Однако примеров обратных замен меньше, чем в Белгородской отказной книге.

I. **а** вместо **е** (1): *со пчалами* л. 79.

II. **е** вместо **я** (8): *десетин* л. 69 об; *десетин* л. 239, *десетины* л. 239 об., *десети* л. 280; *сентября* л. 418, *петинадцати* л. 420, *еругу* л. 485 об., *по еружку* л. 482.

III. **е** вместо **я** в суффиксе прилагательных: *дровенои* (18), *воденои* (1)

Яружка – уменьшительное от *яруга*.

В Рыльск. отк. кн. примерно такое же распределение, как и в Белгородской отказной книге, что позволяет трактовать написания как отражение **еканья**.

¹⁰¹ Фасмер, IV. С.561-562.

1.1.4.4. Орловская отказная книга

В Орл. отк. кн. встретилось несколько написания **я** (**а**) в фамилии *Дябилов* (*Дебилов*?) этимологию которой выяснить не удалось: *Дябилове* л. 1074 об., *Дябиловым* л. 1074 об., *Дябилеве* л. 1075 об. Несомненные случаи неэтимологических написаний **а/я** вместо **е** встречаются в основном после непарных /j/ и /č'/ перед твердыми согласными.

I. **я** вместо **е** после парных согл.(1): *Брадихин* л. 41.

II. **я** вместо **е** после непарных согл. (14): *чатыри* л. 375, *чатыреста* л. 849 об., *чатыря* л. 927 об., л. 929 об., *чятыреста* л. 1163, *яму* л. 1073 об., *яму* л. 1258, *яму* л. 1259 об., *яму* л. 231 об., *воядоды* (sic!) л. 326, *вояводы* л. 751, *воявоцкаю* л. 752 об.,

III. **е** вместо **я** после парных согл. (18): *октебря* л. 309 об., *петидесет* л. 399 об., *пети* л. 461, *девеносто* л. 461, *десетины* л. 375, *десетины* л. 417, *петидесят* л. 488, *пети* л. 488, *петнатцать* л. 676, *петнатцать* л. 676 об., *петидесят* л. 905 об., *свещенству* л. 848 об., *десетин* л. 1258, *десетин* л. 1163, *диека* л. 1073, *дьека* л. 399, *дьека* л. 437 об., *дьека* л. 802.

IV. **е** вместо **я** в суффиксе прилагательного: *дровенои* (1)

Фамилия *Бредихин*, вероятно, происходит от слова *бредиха* 'пустомеля, болтун'¹⁰².

В основном, написания **е** вместо **я** встречаются после парных согласных перед гласными верхнего, среднего и нижнего подъемов. Но если наряду с заменой в фамилии *Бредихин* рассматривать написания фамилии *Дябилов/Дебилов*, можно проследить действие диссимилятивного принципа (так как замена происходит перед гласным верхнего подъема).

¹⁰² СРНГ. Т.3. С. 171.

1.1.4.5. Елецкая отказная книга

В Елецкой отказной книге все написания **я** вместо **е** встречаются после парных согласных, что нехарактерно для других книг. Однако обратных замен больше:

- I. **я** вместо **е** (б): *Пятрова* л. 264, *Пятрова* л. 265, *Мяцънянскою* л. 278, *пятдясят* л. 279, *пятдясят* л. 280, *Мядвѣжеи брод* л. 278 об.
- II. **е** вместо **я** после парных согл. (42): *свещенству* л. 24 об., *свещенству* л. 280 об., *в десетины* л. 25, *в десетины* л. 281, *десетину* л. 25, *десетину* л. 281, *свещенству* л. 98 об., *в десетины* л. 99, *в десетины* л. 181, *десетину* л. 99, *десетину* л. 181, *петидесят* л. 99, *десетины* л. 84, *десетины* л. 172, *десетины* л. 193, *десетины* л. 359 об., *десетину* л.84, *десетины* л. 172, *десетины* л. 193, *десетин* л. 172 об., *десетин* л. 193 об., *по десети* л.193, *по десети* л. 207, *сентября* л. 113, *липежок* л. 115, *липежку* л. 229, *липешка* л. 428, *липегомъ* л. 360 об., *липегомъ* л. 430, *липега* л. 428 об., *липега* л. 430, *октября* л. 428, *в десетины* л. 218, *десетину* л. 218, *петнатцать* л. 218, *сентября* л. 232 об., *сентябля* л. 255, *свещенству* л. 264, *в десетины* л. 295, *в десетины* л. 295 об., *петидесяти* л. 407 об., *октября* л. 461 об.
- III. **е** вместо **я** (а) после непарных согл. (4): *чеса тог* л. 207, *бгоевленскои* л. 211, *диека* л. 171, *диечок* л. 17.
- IV. **е** вместо **я** в суффиксе прилагательного: *дяхтеную* (1)

Написания *пятдясят* и *Мяцънянскою*, принадлежащие Афонке Васильеву, сомнительны, так как замена в них происходит перед слогом с **я** (эти случаи можно рассматривать как антиципацию). Таким же образом можно рассматривать и встретившуюся у этого писца замену в первом заударном слоге: *на дясят* л. 280. Ср. у него же: *свещенству* л. 24 об. л. 280 об., *в десетины* л. 25, л. 281, *десетину* л. 25, л. 281.

В оставшихся случаях уже с большей уверенностью можно предположить, что **я** обозначает фонему /a/: *Пятрова* л. 264, *Пятрова* л. 265, *Мядвѣжеи брод* л. 278 об. Производящие основы содержат /o/ </e/: Пётр (/p'otr/), мёд (/m'ot/). Возможно, что и производные обладали фонемным

составом /p'otrov/, /m'odv'ež(e)i/. Таким образом, графема **я** в этих примерах может обозначать /a/, возникшую из /o/ в результате действия аканья.

Обратим внимание на написание слова *линяг*, все примеры употребления которого в Елецкой отказной книге принадлежат Мишке Игнатьеву сыну. Написание **е** вместо **я** встречается перед гласными всех подъемов, как перед твердыми парными согласными, так и перед /š/ и /ž/. Этому же писцу принадлежат написания *десетины* л. 84, л. 172, л. 193, л. 359 об., *десетину* л.84, л. 172, л. 193, *сентября* л. 113.

-	<i>липежку</i> л. 229
<i>липегомъ</i> л. 360 об.	<i>липешок</i> л. 115
<i>липега</i> л. 428 об.	<i>липешка</i> л. 428

Остальные случаи написания **е** на месте гласных неверхнего подъема происходят как перед мягкими, так перед твердыми согласными, и перед гласными всех подъемов. А так как написания **я** вместо **е** могут обозначать /a/ </o/ </e/, можно сделать предположение, что в говоре писцов действовало еканье.

1.1.4.6. Карачевская отказная книга

I. **я** вместо **е** после парных согласных (3): *с пламанникомъ* л.200 об., *Пятрушка* л. 899 об., *из Ресяты* л. 258 об.

II. **я** вместо **е** после непарных согласных (1): *яму* л. 409 об.

III. **е** вместо **я** после парных согласных (9): *деветсот* л 50 об., *девеносто* л. 607 об., *девеноста* л. 913 об., *десетине* л. 767, *десетины* л. 895 об., *петинатцети* л. 636, *Редович* л. 638, *сентября* л. 557, *сентября* л. 912.

IV. **е** вместо **я** после непарных согласных (9): *обевилос* л. 199 об., *диечок* л. 639, *діека* л. 662, *ноებря* л. 766, *дъека* л. 766, *дъека* л. 898, *дъечек* л. 767, *диечек* л. 898, *есеновым* л. 912 об.

V. **е** вместо **я** в суффиксе прилагательного: *дровеной* (7)

Написание *с пламанникомъ* можно рассматривать как антиципацию.

Неэтимологические написания **я** встречаются только перед гласными верхнего подъема, что может быть свидетельством действия принципа диссимилятивности. Однако если рассматривать отдельно написание **яму**, предполагая отражение древнерусского перехода /e/ > /o/, а в написании *Пятрушка* предполагать распространение собственно-русского перехода /e/ > /o/ (ср. Пётр /p'otr/), примеров для подкрепления этого предположения практически не остается.

В названии реки «Ресета» Богдашка Голосов употребляет то **е**, то **я**: реки *Ресеты*, в *Ресеть*, из *Ресяты* л. 258 об. У этого писца встретилось написание *и* вместо *е*: *силищ* л. 558.

Неэтимологические написания **е** встречаются перед ударными гласными всех подъемов.

1.1.4.7. Мценская отказная книга

I. **я** вместо **е/ѣ** после парных согл. (5): *за мяною* л. 200 об., *за мяною* л. 201 об., *за мяною* л. 345, *за рячку* л. 230 об., *к трямам* л. 49 об, *Пятровъ* л. 12.

II. **я** вместо **е** в суффиксах (3): *полявые* л. 441 об., *полявые* л. 345, *полявыя* л. 345 об.

III. **я** вместо **е** после непарных согл.(4): *к чатырем* л. 269 об., **яму** л. 49, **яму** л. 49 об., *вояводы* л. 268 об.

IV. **е** вместо **я** после парных согл.(20): *девети* л. 748, *десетин* л. 283 об., *десетин* л. 284, *десетин* л. 418 об., *десетины* л. 348 об., *октебря* л. 418, *петидесят* л. 269, *петидесят* л. 357 об., *петидесят* л. 360, *петнатцат* л. 144, *петнатцат*, л. 236 (2 р.), *петнатцат* л. 348, *педнатцат* л. 325 об., *петнатцат* л. 360 об., *ребины* л. 328 об., *ребина* л. 328 об., *свешенству* л. 442.

V. **е** вместо **я** после непарных согл. (2): *богоевленской* л. 748, *диечок* л. 172.

VI. **е** вместо **я** в суффиксе прилагательных *дровеной* (8), *воденой* (5).

Написания *полявые* рассматриваем отдельно, так как могло иметь место выравнивание по твердому типу основы, которое допускается в заударных слогах (см. п.2.2. этой главы). В написании *к трямстам* графема **я** может обозначать /a/, возникшую из /o/ < /e/ (ср. *к трём* /tr'om/). Написание *Пятров* разбиралось выше.

Замена в форме *за мяною* происходит на месте /ê/, что говорит, как минимум, об исчезновении /ê/ в данной позиции. Встречается у двух писцов: Мишки Паншина и Мини Ефимова. Мишке Паншину принадлежит и написание *за рячку* л. 230 об. Таким образом, написания **я** встречаются перед гласными среднего и верхнего подъемов. Можно предположить наличие в говоре писца диссимилятивного яканья.

1.1.4.8. Новосильская отказная книга

I. **я** вместо **е** после парных согл. (12): *Веряцажску* л. 239, *з берязы* л. 106, *мяжа* л. 105 об., *по ся мьста* л. 281 об., *перястряжскою* л. 242 об. *пятьдесят* л. 320, *петдсят* 398 об.

II. **я** (а) / **а** вместо **е** после непарных согл. (5): *воаводы* л. 396; *воаводы* л. 513, *воаводы* л. 396, *яво* л. 22 об., *чатыря* л. 863 об. Также встретилось написание *яво* л. 22 об.

III. **е** вместо **я** после парных согл. (39): *на гредъ* л. 903, *на гредъ* л. 1030, *греде* л. 979., *десетину* л. 727, *десетину* л. 20 (2 р.), *десетину* л. 24 об., *к пети* л. 124 об., *Жилеков* л. 727 (2 р.), *десетины* л. 1029 об., *десетину* л. 1029 об., *десетины* л. 505 об., *десетину* л. 505 об., *десетину* л. 205 об., *десетину* л. 282, *Кнегинине* л. 313; *Кнегининаи* л. 382, *Кнегинина* л. 816 об., *Кнегинина* л. 817, *Кнегинина* л. 817 об., *липежок* л. 862 об., *октебря* л. 1003, *петидесят* л. 202 об., *петюдесят* л. 487 об., *петюдесет* л. 726, *петидетсет* л. 766, *петидесят* л. 859 об., *петидесят* л. 891 об., *петнацет* л. 751 – 751 об., *петнацет* л. 751, *петнацет* л. 752 об., *петнатцат* л. 859, *петнатцат* л. 859 об., *петнатцат* л. 968; *петидесет* л. 19 об., *свещенству* л. 127 об., *свещенству* л. 262 об.; *свещенству* л. 281 об., *свещенству* л. 1029.

IV. е вместо я после непарных согл. (б): *есеновом* л. 46; *дьека* л. 127; *дьека* л. 312; *ноебря* л. 369, *дьечок* л. 515 *дьека* л. 902.

Написания *пятьдесят*, *петдцят* являются сомнительными. В примере *по ся мѣста* графема я может обозначать /a/ </o/ </e/ (се место /s'о m'êsta/).

У писца Сеньки Моисеева, с одной стороны, встретила замена е на я в слове *Веряцажску* л. 239 (название реки, происхождение которого, по всей видимости, связано с глаголом *верещать*). С другой стороны, у него же происходит обратная замена в написании *Кнегининоу* л. 239.

Остальные неэтимологические написания я (*з берязы* л. 106, *мяжа* л. 105 об, *перя|стряжскою дорогу*) встречаются перед гласными верхнего и нижнего подъемов, перед твердыми согласными и перед отвердевшим /ž/. В этих примерах нельзя усмотреть действие какого-либо принципа.

Относительное прилагательное *перя|стряжскою*, видимо, происходит от названия деревни *Перестряжи* (*Перестряж*).

1.1.4.9. Курская отказная книга

I. я вместо ъ после парных согл. (3): за *ряку* л. 170 об., на *ряку* л. 304, за *ряку* л. 304 об.

II. я вместо е после непарных согл. (б): *чатыря* л. 290 об., *яму* л. 267, *яму* л. 663, *вояводы* л. 69, *Явимов* л. 664 об, *въязати* л. 664.

III. е вместо я после парных согл. (20): *десетину* л. 84, *десетину* л. 84 об., к *петидесет* (к семи) л. 113 об., к *пети* л. 152 об., к *пети* л. 428 об., *пети* л. 639, *десетю* л. 153, *десетину* л. 153 об, *Хомеков* л. 140, *девеноста* л. 172 об, *свещенству* л. 126, *петнатцати* л. 22, *петнадцать* л. 639, *петнадцат* л. 639, *сентября* л. 26, *сентября* л. 47, *сентября* л. 265.

IV. е вместо я после непарных согл. (3): *дьечек* л. 287, *дьека* л. 82, *дьека* л. 151.

V. е вместо я в суффиксе прилагательного *дровеной* (5).

Написания я вместо ъ встречаются перед ударным гласным верхнего подъема. Действие диссимилятивного принципа можно проследить на

примере записей Наумки Кобатова: *на ряку* л. 304, *за ряку* л. 304, но *на рекъ* л. 304 об.

Замену в примере *Явимов* можно также рассматривать как обозначение /a/. Возможно предположить переход /e/>/o/, если написание **ѡ** обозначало /xw'/. Если же обозначаемый графемой **ѡ** согласный был мягким (напр., /x'/?), необходима другая трактовка. В любом случае, данный пример подходит под предположение о действии диссимилятивного принципа.

Написание *въяжати* может быть связано с древним колебанием *ja-/*jě- (ср. *јахати*/*jěхати, *јати*/*jěсти). Одного примера недостаточно, чтобы предполагать о действии ассимилятивного принципа.

1.1.4.10. Брянская отказная книга

I. **я** вместо **е** после парных согл. (7): *озярища* л. 107 об., *от раки* л. 446, *Голанищев* л. 445, *Голянищев* л. 448 об., *Голанищев* 1105 об., *вераю* (вм. *верю* от *веря*) л. 447., *шестьдесят* л. 16 об.

II. **я** вместо **е** после непарных согл (1): *лму* л. 561.

III. **е** вместо **я** после парных согл. (10): *понетья* л. 1105 об., *девеноста* л. 32 об., *девеноста* л. 46, *девеноста* л. 47 об., *Редович* л. 401, *сентября* л. 15, *сентября* л. 32, *сентябра* л. 1103, *октября* л. 514, *петнацат* л. 445 об.

IV. **е** вместо **я** после непарных согл. (2): *Гончорова* л. 1104, *от ветчека* л. 580.

V. **е** вместо **я** в суффиксе прилагательного (1): *Кастенои* л. 46.

Ветчак – характеристика дерева (ср. *дулят*, *кряковит*).

Написание *шестьдесят* л. 16 об. является сомнительным. Замена *е* на *я* преимущественно происходит перед мягкими согласными при ударном гласном верхнего подъема. Следовательно, можно предположить действие диссимилятивного принципа в говорах писцов Брянской отказной книги.

1.1.4.11. Воронежская отказная книга

Это единственная книга, в которой встретилось больше написаний **я** вместо **е/ѣ**, чем обратных замен.

I. **я** вместо **е/ѣ** после парных согл. (9): *на берягу* л. 630, *у ряки* л. 32 об., *Фядо́ско* л. 32 об, *сяла* л. 33, *сянныя* л. 98 об., *сяла* 97 об., *сала* л. 98 об., *пя́дсят* л. 24 об., *пя́тдсят* л. 32 об, *Изляго́щи* л. 317 об., *Изляго́щи* л. 318.

II. **я/а** после непарных согл. (3): *недо́язжая* л. 71, *ча́тыряста* л. 36 об., *ча́тыряста* л. 42 об.

III. **е** вместо **я** после парных согл. (4): *сентя́бря* В. л. 314., *ли́нега* л. 97, *грезно́вского* л. 87 об., *з грезно́вским* л. 87 об.

IV. **е** вместо **я** в суффиксе прилагательных: *дровено́и* (2), *водено́ва* (1)
Излего́ща – название реки, протекающей в Воронежской области. Вероятно, связано с ойконимом *Лего́ще*, который происходит от имени собственного *Легост*¹⁰³.

При сравнительно небольшом объёме текста у писца Васьки Тарарыкова довольно частотны замены **е** на **я** (▲): *сянныя* л. 98 об., *у ряки* л. 32 об., *Фядо́ско* л. 32 об., *пя́дсят* л. 32 об., *сяла* л. 33 (3 раза), *сяла* л. 97 об., *сала* л. 98 об.. Замены **е** на **я** происходят независимо от подъема ударного гласного, что характерно для сильного яканья (в современных воронежских говорах данный тип яканья встречается).

1.1.4.12. Написание слов, этимология которых является спорной

При рассмотрении гласных первого предударного слога до сих пор не была упомянута лексема *себры/сябры* поскольку его этимология является спорной. Лексема *сябры* (*сябёр*) в данных документах имеет значение ‘соседи, товарищи’¹⁰⁴. См., например, контекст: *вмѣсте сябры своими с товаришии по своим дачем* [Курск. отк. кн. л. 153–153 об.]. М. Фасмер

¹⁰³ Агеева Р. А. Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии псковских и новгородских земель // Историческая ономастика. М., 1977. С. 215.

¹⁰⁴ СРНГ. Т. 43. С. 191.

восстанавливает для этого слова праславянскую форму *sebrь*¹⁰⁵, однако предлагалась и реконструкция **sьbrь*. В. И. Даль приводит глагол *себриться* ‘поддабриваться, соседиться, заискивать у кого-либо’¹⁰⁶, который как будто свидетельствует о том, что слово могло приобрести облик *себры*, *себёр*. Примечательно, что в «Словаре русских народных говоров» и в Словаре Даля существуют как статьи на слово *себры* (*себер*), так и статьи на слово *сябры* (*сябёр*), однако лексема *себры* в СРНГ имеет значение ‘здоровые, сильные парни’¹⁰⁷.

В южновеликорусских отказных книгах лексема встречается 24 раза, и только 4 раза корень имеет графический облик *сябр-*. В Белг. отк. кн. и Нов. отк. кн. встречается только написание с *е*, что не противоречит предположению о действии еканья в говорах писцов этих книг.

Белг. отк. кн.: *с себрами*, л. 200, *себрами* л. 799 об. **Нов. отк. кн.:** *себрами* л. 128, *себры* л. 816, *себрами* л. 860.

В Воронежской и Курской отказных книгах встречаются оба варианта написания.

Вор. отк. кн.: *с себрами* л. 43, *себрами* 381 об. и *сябров* л. 317 об., *сябрами* л. 318. **Курск. отк. кн.:** *с себры* л. 32 об. (2 р.), *с себры* л. 128, *с себры* л. 260 об., *с себры* К. л. 303, *з себры* л. 451 об., *себрами* л. 28, *себрами* л. 42, *себрами* л. 481 об., *себрами* л. 482 и *сябры* л. 153, *с сябры* л. 84 об.

1.1.5. Обобщение

Неэтимологических написаний **и** на месте гласных неверхнего подъема почти не встречается. Все обнаруженные замены происходят на месте этимологической /*е*/, что может являться признаком изменения /*е*/>/*и*/.

Неэтимологические написания **е** может обозначать фонему /*е*/ в говорах встречается еканье или яканье с произношением [*е*] в некоторых позициях. О наличии фонемы /*е*/ также свидетельствуют встречающиеся

¹⁰⁵ Фасмер, III. С. 824.

¹⁰⁶ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. 4. Спб., 1866. С. 350

¹⁰⁷ СРНГ. Т. 37. С. 95.

написания **Ѣ** на месте этимологической /а/. Таким образом, в отказных книгах может отражаться еканье или яканье с /е/ в позиции «не-а».

Некоторые написания **я** (а) на месте этимологического /е/ могут обозначать /а/ (< /о/ < /е/). В связи этим следует обратиться к вопросу об отражении древнейшего перехода /е/ > /о/ (после палатальных перед слогом с гласными непереднего ряда, отраженного украинским: ср. *јого, жона, чотири*). В некоторых случаях можно допустить распространение более позднего «собственно русского» перехода на безударные слоги.

В Белгородской, Рыльской, Елецкой отказные книги количество замен **я** на **е** незначительны, все они могут объясниться каким-либо переходом /е/ > /о/ и последующим действием аканья. Написания **е** вместо **я** встречаются независимо от твердости/мягкости последующего согласного и подъема ударного гласного, что может являться свидетельством еканья.

В Карачевской, Мценской, Новосильской, Курской, Брянской и Орловской отказных книгах не все написания **я** вместо **е** можно объяснить результатом перехода /е/ > /о/ с последующим развитием аканья (хотя такие случаи встречаются). Написания **я** встречаются на месте /ê/ (что, прежде всего, говорит об исчезновении /ê/ в безударных позициях). Возможно, такие написания являются проявлениями яканья. На основании анализ фонетического окружения можно сделать предположение об отражении диссимилятивного принципа, который в целом характерен для современных южновеликорусских говоров.

В Воронежской отказной книге в основном встречаются написания **я** вместе **е**. При этом не наблюдается зависимости написания **я/е** от позиции, что позволяет сделать предположение о действии сильного яканья в говоре писцов. Сильное яканье наблюдается в современных воронежских говорах.

1.2. Второй предударный слог

В современных южнорусских говорах во втором предударном слоге после мягких согласных гласные неверхнего подъема совпадают в «варианте,

колеблющемся в своем качестве между *и* и *е*, часто редуцированном звуке»¹⁰⁸. В некоторых говорах наблюдается совпадение в [а]¹⁰⁹.

Во втором предударном слоге после парных мягких согласных встречаются написания **е** вместо **я**:

Вор. отк. кн. петдесят л. 594, **педесят** л. 86 об., **петдесят** л. 118. **Елецкая отк. кн. педдесят** л. 49 об., **педдесят** л. 50. **Нов. отк. кн. педдесят** л. 514 об., **Курск. отк. кн. петдесят** л. 639.

В **Вор. от. кн.** встретилось написание **я** вместо **е**, однако оно является сомнительным, так как содержит **я** во всех трех слогах: **сянтября** л. 32.

Обратная замена встретилась в слове *дегтяной* у писца Белгородской отказной книги Ивашки Холевина (*дяхтяной* л. 441, л. 442) и у писца Елецкой отказной книги Ивашки Игнатьева (*дяхтеную* 228 об.). Заметим, что производящая основа *-дегот-* содержит /o/</e/.

Большинство написаний **я** вместо **е** встречается после непарных мягких перед твердыми согласными, что, как и в первом предударном слоге, может быть следствием древнерусского перехода /e/>/o/.

Новос. отк. кн. Ароѡѡава л. 707 об., л. 708. **Ароѡѡева** л. 708 об. (2р). **Орл. отк. кн. чатырма** л. 528 об. **Курск. отк. кн. чалобитю** л. 39. **Мценск. отк. кн. чалобитнаи** л. 509.

Как и в первом предударном слоге, после /j/ встречаются и написания **е** вместо **я**.

Рыльск. отк. кн. по балота Ерославец л. 483.

Таким образом, во втором предударном слоге наблюдается ситуация, несколько сходная с описанием первых предударных слогов. Написания **я** могут обозначать /a/</o/</e/. В остальных случаях наблюдаются написания **е** вместо **я**, что может свидетельствовать о совпадении гласных неверхнего подъема с /e/.

¹⁰⁸ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. С. 110.

¹⁰⁹ Там же.

§2. Заударный вокализм

2.1. Написание гласных в положениях, не испытывающих влияния морфологической аналогии

Если в предударных слогах качество безударных гласных может зависеть от подъема ударного гласного и твердости-мягкости последующего согласного, в заударных слогах важную роль играют морфологические факторы, различные выравнивания по аналогии.

В данном параграфе будут рассмотрены написания в корнях и тех суффиксах, которые не имеют вариантов. Количество замен в таких позициях незначительно, но, тем не менее, некоторые тенденции можно проследить на примере наиболее частотных слов.

Терминологическое сочетание *наказная память* входит в начальную формулу отказов и встречается 209 раз. Во всех книгах наблюдаются как случаи этимологического написания слова *память*, так и случаи замен гласных в первом заударном слоге.

Написание *е* вместо *я* в первом заударном слоге встретилось 129 раз (61% от общего количества написаний), что говорит о неразличении фонем /е/ и /а/ в данной позиции. Также у 4 писцов встретилось написание **ѣ** вместо *я* (7 раз). Такое написание является свидетельством того, что в говоре этих писцов на месте этимологического /а/ уже возникла фонема /е/.

У писца Курск. отк. кн. Лучки Булатникова встречается замена *я* на *и*: *по наказнаи памити* л. 259. Этот пример скорее следует расценивать как антиципацию, так как при остальных употреблениях этого терминологического сочетания Лучка Булатников производит замену *я* на *е*.

Довольно часто написания *е* вместо *я* в заударных слогах встречаются в корне -десят-:

Белг. отк. кн. *восемьдесят* л. 26, *сажен з десет* л. 26 об. **Брянск. отк. кн.** *десет* л. 46, *десет* л. 47. **Ворон. отк. кн.** *десет* л. 316. **Елецк. отк. кн.** *асмидесет* л. 25, *на десет* л. 280 об., *десет* л. 281, *на десет* л. 98, *на десет*

л. 98 об., *на восемьдесят* л. 180 об., *на восемьдесят* л. 181, *по асмидесет* л. 181, *восемьдесят* л. 181, *на десет* л. 147 об. (2р). **Кар. отк. кн.** за *десет* л. 328, *десет* л. 686, *десет* л. 767 (3р), *десет* л. 849 об. **Мценск. отк. кн.** *десет* л. 283, *десет* л. 442. **Новос. отк. кн.** *десеть* л. 19 об., *петюдесет* л. 726.

В Елец. отк. кн. у писца Афонки Васильева встречается написание *на дсят* л. 280 об., которое, возможно, вызвано антиципацией. Ср. у него же: *асмидесет* л. 25, *на десет* л. 280 об, *ровно десет* л. 281. Как антиципацию у этого писца можно рассматривать и написания графемы **я** в первом предупредительном слоге: *Мяцънянскою* л. 278, *пятдсят* л. 279, л. 280.

Замены встречаются и в других словах:

Кар. отк. кн. *девет* л. 687, *девет* л. 48 об. **Курск. отк. кн.** *тысеча* л. 510 об., *тысечи* л. 510 об. **Нов. отк. кн.** по *Грезь* л. 967 об. (ср. з *Грязи* л. 967 об.).

Написание **е** вместо **я** после /j/ встретилось в Елец. отк. кн.: *Заечей*, *Заечева*, *Заечему* л. 70 об. При этом /j/ в интервокальной позиции мог утратиться.

Обнаружено несколько обратных замен:

Белг. отк. кн. *Камянева* л. 839. **Елец. отк. кн.** *дубъ у коряни дуплять* л. 173 об. **Новос. отк. кн.** *на пян дубовои* л. 862 об., *прасал* л. 383 об.

В некоторых книгах встретились примеры, которые могут свидетельствовать о развитии иканья:

Новос. отк. кн. *от колодиизя* л. 504 об., *калодиз* л. 670 об., *калодизю* л. 670 об.. **Кар. отк. кн.** *Грязива* л. 33.

В современных говорах отмечают неразличение фонем, при этом отмечают как произношение гласного переднего ряда, так и гласного заднего ряда¹¹⁰. Таким образом, нельзя точно установить, с какой фонемой совпадали гласные в XVII веке. Однако преобладание написаний **е**, а также написания **ѣ** на месте /а/ может говорить о том, что фонемы совпадали с /е/. Неэтимологические написания **и** следует рассматривать как развитие иканья.

¹¹⁰ Кузнецов П. С. Указ. соч. С. 72.

2.2. Написание гласных в закрытых слогах, испытывающих влияние морфологической аналогии

В заударных слогах, написание гласных может объясняться морфологическими влияниями. В данной работе не рассматриваются унификации окончаний им. сущ. мн. ч., а также изменения в глагольных флексиях. Анализируются случаи, которые могут объясняться взаимодействием морфологических и фонетических изменений, а именно выравнивание по твердому типу основы, которое поддерживалось аканьем (см. ниже). С этими морфологическими изменениями могут быть связаны замены *е* на *я* (▲) во флексиях имен существительных Тв. пад. м. р. и ср. р., а также в суффиксах притяжательных образований (*-ев-*). В некоторых современных говорах в этих позициях отмечается произношение [ъ]¹¹¹.

В первом случае флексия *-ет* (графически *-ем*) приобретает вид *-ат* (графически *-ям*) по аналогии с флексией твердой основы, которая в акающих говорах обладает фонемным составом /am/ (*братам*).

Брян. Отк. Кн. *поместьям* л. 401 об., *Дмитръямъ* л. 553, *Сергеям* л. 462, *зятям* л. 47, *затям* л. 400., *Костентиновичам* л. 108, *Григоревичам* л. 69 об. **Вор. Отк. Кн.** *Григорьямъ* л. 72 об., *с Левонтьям* л. 594-594 об., *с Тимофеям* л. 631. **Курск. Отк. Кн.** *угодьям* л. 74., *угодьям* л. 74. об., *угодьямъ* л. 128, *Матвьям* л. 41, *Матвьям* л. 42, *Тимофьямъ* л. 77, *Прокофьям* л. 500., *Захарьямъ* л. 128, *Ортемьям* л. 260, *Совельям* л. 260 об., *Григорьям* л. 487, *князям* л. 69 об., *колодезьямъ* л. 219. **Мценск. отк. кн.** *поместьям* л. 346, *помгъстьямъ* л. 748 об. **Новос. отк. кн.** *с Терентеям* л. 25, *с Лазарям* л. 205 об., *с Тимофеям* л. 205 об.. **Рыльск. отк. кн.** *с Левонтеям* л. 479 об., л.486, л. 481., *с Ондреям* л. 478.

В Елец. отк. кн. замена встретилась во флексии имени прилагательного: *в нынешням* в РНБ году л. 383 об. (2р).

¹¹¹ Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. С. 116-121.

Замена в суффиксах притяжательных образований может объясняться действием того же принципа: замена е на я в суффиксе /ev/ происходит под влиянием суффикса /av/ (ср. *Степанав, Тимофеев*).

Подобные притяжательные образования в отказных книгах обладают высокой частотностью: форма деловых документов обязывает писца указывать имена участников производимого акта, перечислять имена свидетелей, указывать названия местностей.

По наблюдению Б. И. Осипова, Л. П. Батыревой и Е. Б. Сухоцкой¹¹², в Южнорусских отказных книгах такая мена составляет 14%. Однако более подробный анализ орфографии отказных книг показал, что у некоторых писцов подобной замены е на я в указанных суффиксах не происходит, в то время как у других она проводится довольно последовательно. Также замены встречаются в нескольких приложениях руки.

Брянск. отк. кн.: 4 писца и 2 приложения руки. **Вор. отк. кн.:** 3 писца и 1 приложение руки. **Мценск. отк. кн.:** 1 писец. **Новос. отк. кн.:** 5 писцов. **Кар. отк. кн.:** 1 писец. **Курск. отк. кн.:** 3 писца. **Орл. отк. кн.:** 5 писцов, **Рыльск. отк. кн.:** 2 писца. В Елецкой и Белгородской книгах таких замен не наблюдается.

Более того, у писцов, производящих замены, наблюдается тенденция к написанию я после /j/ и е после других мягких согласных.

Наиболее показательны в этом отношении случаи написания я после гласной. В образованиях от основы на /j/ вроде «Афонасев» по написанию не понятно, сохраняется ли /j/. Буква е может обозначать как сочетание фонем /je/, так и являться показателем мягкости согласного. Приведем примеры, на которых зависимость от /j/ хорошо прослеживается.

Брянск. Отк. Кн.

Васька Леонтьев: *Андреяв* л. 108, но *Яковлев* л. 258;

Поп Василий: *Дмитреяв* л. 562, но *Зуборевская* л. 562.

¹¹² Осипов Б. И., Батырева Л. П., Сухоцкая Е. Б. Указ. соч. С.35.

У Ивана Слизнева такая закономерность прослеживается в написании его собственного имени: *Иван Андреевъ сын Слизневъ* л. 981 об.

Вор. Отк. кн.

Афанасий Вальцев: *Киреевскава* л. 593 об., но *Гусеву* л. 593 об.

Курск. Отк. Кн.

Кондрашка Григорьев: *Левонтеяв* К. л. 39 об., но: *Дурневым* К. л. 71, *Голенева* К. л. 268, *Яковлевъ* К. л. 532 об., *Переверзев* К. л. 372 об.

Лучка Булатников: *Дмитреявъ* л. 138 об., но *Яковлевъ* К л. 488 об., *Бортенев* К. л. 335, *Переверзевымъ* К. л. 260.

Фролка Дроковцов: *Ондръяв* К. л. 664 об., но *Гутенев* К. л. 665

Мценск. Отк. Кн.

Иванка Петрищев: *Дмитреява* л. 160, *Лаврентеяв* л. 161 об., но *Яковлева* л. 160.

Орл. отк. кн.

Анисим Ботырев: *Левонтеяв* л. 232, *Жиляяв* л. 232, но *Ботырев* л. 232.

Рыльск. отк. кн.

Запись от 15 июня 1634: *Дементеевская* л. 477, *Дементеев* л. 478 об., *Карнеяв* л. 486 об., но *Лазарев* л. 480 (Зр.).

В записях некоторых писцов отсутствуют примеры образований от основ, оканчивающихся не на /j/, после /j/ замены проводятся довольно последовательно. Например, в Новос. отк. кн у писца Якушки Попова: *Григорьявы* л. 151, *Савельяв* л 515.

Однако данная тенденция не охватывает все случаи: у нескольких писцов наблюдается и обратная ситуация, когда суффикс имеет вид –яв– в образованиях от основы не на /j/.

Брянск. отк. кн. Воинка Тонкий: *Яковляв* л. 101.

Орл. отк. кн. Ивашка Каменев: *Камяняв* л. 849-л. 849 об. ср. *Волобаяву* л. 326 об., *Григоряв* л. 327, *Ортемяв* л. 327.

Исследователи отмечали, что последующий согласный преимущественно является твердым. Однако в южновеликорусских отказных книгах встречаются написания **я** перед мягким /vʹ/:

Брянск. отк. кн. Ондръявича, Тимофьявича. Курск. отк. кн. Василявича л. 530, **Василявича** л. 487, **Григорьявича** л. 663. **Новос. отк. кн. Алежъявича** л. 725; **Алексъявича** л. 751.

Таким образом, можно предположить, что на написание суффиксов притяжательных образований оказывают влияние 2 фактора: 1) аналогия с образованиями от твердой основы; 2) предшествующий /j/.

Примечательно, что В. М. Марков, отмечавший в «Книге ключей» Волоколамского монастыря написание **я** вместо **е** в заударных позициях при отражении еканья в предударных, также приводит примеры притяжательных образований исключительно от основы на /j/ (не заостряя на этом внимания): *Офонасьяву, Благовещеньяв, Тимофьяву*¹¹³. Поэтому целесообразно в дальнейшем пронаблюдать это явление в памятниках, написанных на территориях, характеризующихся еканьем.

То, что у одних писцов написание **я** после /j/ наблюдается довольно последовательно, а у других не встречается, можно трактовать как принадлежность писцов разным диалектам (в т. ч. социальным), так и разным уровнем владения определенных орфографических правил. Иными словами, возможны два решения:

а) принадлежность писцов разным диалектам: разные фонемы => разные графемы

б) орфографические особенности: одинаковые фонемы => разные графемы.

В говоре писцов, производящих замены, графема **я** может обозначать /a/ (что подтверждается данными современных говоров). Таким образом,

¹¹³ Марков В. М. Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря // Памяти В. А. Богородицкого. Казань, 1961. С. 170.

проблематичной остается трактовка написания *е* в суффиксах притяжательных прилагательных.

Заметим также, что писцам, проводящим замену в суффиксах притяжательных образований, принадлежат и написания *я* на месте /*je*/ в предударных слогах.

2.3. Конечный открытый слог

В положении после мягких согласных почти у всех писцов наблюдаются мены гласных. В основном это написания *я* (▲) на месте /*e*/ или /*ê*/.

Наименее показательными являются написания буквы *я* в окончаниях форм ж. р. мн. ч. И.-В. п. (*наши пахатныя* л. 51 об.), так как они могут отражать традиционную орфографию. Действительно, эти формы часто встречаются в заголовках (*книги новасильския отказныя*) и конечных формулах (*а книги отказныя писал*). Впрочем, маловероятно, что в этом случае написание разнится с фонемным составом окончаний: написание *я* вместо *е* встречается и в других флексиях прилагательных, например ср. р. ед. ч. (Орл. отк. кн. *озерко Козьмадемянская* л. 481 об.). Однако знание традиционной старославянской орфографии, которая в данном случае совпала с произношением, могло повлиять на относительно последовательное проведение этой черты.

Как уже неоднократно было отмечено, в заударных позициях на изменение фонемного состава слова могут оказывать влияние морфологические факторы, основным из которых является выравнивание твердой и мягкой парадигм (влияние твердой парадигмы на мягкую). Ср. /*akno*/, /*n'eba*/, /*pol'a*/.

Формы И.-В. п. ед. ч. –**jo* склонения. Самым частотным является слово *поле*. Написание *я* во флексии И.-В. п. ед. ч. встретилось 78 раз. В Белгородской книге в записи Паньки Степанова буква *е* в слове *поле* л. 26

другими чернилами исправлена из **я**. Замена во флексии И.-В. п. ед. ч. слова в частотных словах: *поместье* – 59 раз, *угодь* – 21 раз.

Замены в окончаниях имен существительных «сопровождаются» заменами в окончаниях согласованных с ними имен прилагательных (*дикая поля*).

С другой стороны, в отказных книгах наблюдается большое количество замен, которые не объясняются выравниванием твердой и мягкой парадигмы. К ним относятся написания во флексиях:

1) Им. сущ. м.р. М. п. ед. ч.:

Белг. отк. кн. на *большем дубя* л. 26 об. **Елец. отк. кн.** на *отдгля* л. 99 об. **Нов. отк. кн.** на *отдгля* л. 25, на *отказа* л. 174 об.; на *отказа* л. 208; на *отказа* л. 383 об. **Мцен. отк. кн.** на *раздгля* л. 12

2) Им сущ. ж. р. Д. п. ед. ч.:

Мцен. отк. кн. *грамотя* л. 160. **Орл. отк. кн.** *грамотя* л. 458 об., *грамотя* л. 416, л. 417, л. 542; *грамотя* л. 751.

3) Им. пад. мн. ч. разносклоняемых существительных:

Елец. отк. кн. *елчаня* л. 25 об., *елчаня* л. 279 об., *елчаня* л. 99 об. **Мцен. отк. кн.** *мецнля* л. 161 об. **Новос. отк. кн.** *двораня* л. 383 об. **Орл. отк. кн.** *орляня* л. 327, *орляня* л. 906, *орляня* л. 752 об., *орляня* л. 930. **Рыльск. отк. кн.** *брянченя* л. 26, *рыленя* л. 897. **Курск. отк. кн.** *курченя* л. 32 об., *кръстьяня* л. 415 об.

4) Местоимения ж. р. В. п.:

Белг. отк. кн. по *обя стороны* л. 199, по *обя стороны* л. 123 об., л. 124. **Вор. отк. кн.** по *обя стороны* л. 576. **Елец. отк. кн.:** по *обя стороны* л. 256.

5) Имен числительных И.-В.п.:

Белг. отк. кн. *четыря* л. 26 об., *четыря* л. 232 об., *четыря* л. 394 об., *четыря* л. 228 об., л. 229. **Брянск. отк. кн.** *чатыря чети* л. 26 об., *двъстя* л. 48 об. **Кар. отк. кн.:** *четыря* л. 663 об. **Нов. отк. кн.** *чатыря* л. 863 об.,

двѣстя л. 173 об., *четыря* л. 313 об. **Мценск. отк. кн.** *четыря* л. 160 об., *четыря* л. 402 об. **Орл. отк. кн.** *чатыря* л. 928.

Морфологическое влияние исключено в конечном открытом слоге наречий и предлогов, поэтому их можно считать самыми надежными свидетельствами изменений в вокализме:

Нов. отк. кн. *налевя* л. 814. **Елец. отк. кн.** *надвоя* л. 213 об. **Кар. отк. кн.** *посля* л. 251. **Белг. отк. кн.** *пося ево* л. 859. **Мценск. отк. кн.** *посля* л. 160 об.

Обратные замены встречаются гораздо реже. Не принимаются во внимание случаи вроде *знаме*, в которых написание *е* может быть свидетельством перехода слова в тип склонения на *-jo*. Написания *е* вместо *я* у писцов обычно встречаются наряду с написаниями *я* вместо *е*:

Вор. отк. кн. Тимошка Васильев: *Мине* (И.пад. им. собст. *Миня*) л. 86. **Кар. отк. кн.** Афонка Андреев: *по челобитю недоросле Васьки* л. 453; Поп Максим: *Мите да Ивашка* л. 201. Ср.: *в дрвню Верхопола* л. 199. **Нов. отк. кн.** Оксенка Гребенкин: *дикого поле* л. 816 об., л. 817. Ср.: *налевя* л. 814, *чатыря* л. 863 об.; Мартинка Папанов: *гран старое* л. 766 об., *помгъщиков Дмитрее да Григора* л. 767. Ср.: *всякое угодя* л. 758 об., л. 765 об.; Ермол Гребенкин: *того дикого поле* л. 672, л. 726., *впала ргъчке Лозавка в Воровъ* л. 847.

Написание *е* в окончании И. п. им. сущ. после ассимилятивно смягченного заднеязычного встречается у двух писцов Нов. отк. кн. в собственной подписи: *Волотке Фоустов* л. 47, л. 125 об.; *Сенке Моисгъвъ* л. 242. (Ср. в приведенном выше примере Ермолки Гребенкина – *ргъчке*). У Володьки Фоустова в конечном открытом слоге встречаются написания буквы *я*: *Дмитреевская да Тимгъевская поместья* л. 35 об., *дети боярския* л. 47, *Федар да Данила Гладкия* л. 47, *Улянинская прожиточная помгъстья* л. 124, *прожиточная помгъстья* л. 124 об. (2р.), *отказныя* книги л. 47. В записях Сеньки Моисеева наблюдается только пример *обыскныя* книги

л. 242, который, как было указано выше, может являться отражением традиционной орфографии.

Несмотря на то, что примеры обратных замен немногочисленны, они свидетельствуют о неразличении /a/ и /e/ (в т.ч. из /ê/) в конечном открытом слоге. В современных являющихся говорах в открытых слогах встречается произношение гласных переднего ряда [a] или [ъ]¹¹⁴, из чего можно сделать вывод о том, что в говорах XVII века в конечных открытых слогах гласные неверхнего подъема совпадали с /a/.

Кроме того, в отказных книгах встретилось несколько замен *e* на *и*.
Курск. отк. кн.: *приехов в то их помъстьи* л. 305.

§3. Отражение перехода /e/ > /o/

В ударных слогах перед твердыми согласными. Написания **о** на месте этимологического /e/, являющиеся свидетельствами перехода /e/ > /o/, наблюдаются в положении после непарных согласных. Приведем некоторые примеры:

Белг. отк. кн.: *чорным* л. 441 об. **Вор. отк. кн.:** *щогалевскую дорогу* л. 485. **Кар. отк. кн.:** *Чорнаи* л. 202 об. **Мценск. отк. кн.:** *Чортов* л. 171. **Рыльск. отк. кн.:** *безо пчол* л. 251, *несчотна* л. 252.

После непарных согласных встречаются и обратные замены. **Новос. отк. кн.:** *вершекъ* л. 725 об. **Кар. отк. кн.:** *дьечек* л. 767. Написание **е** в суффиксе слова *дьячок* Г. А. Хабургаев считает типичным для приказного языка и относит его к исключению для тенденции к написанию **а** после непарных согласных¹¹⁵.

В отказных книгах обнаружено несколько замен после парных согласных:

Брянск. отк. кн.: *к сосонке* л. 261. **Вор. отк. кн.:** *Өодоровича* л. 314, *Салоня озера* л. 485. **Новос. отк. кн.:** *бероско* л. 204 об., *бероза* л. 205..

¹¹⁴ Кузнецов П. С. Русская диалектология. С. 72

¹¹⁵ Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия. С. 282.

Более интересным является вопрос о переходе /e/>/o/ в безударном положении.

В пункте 1.1.4.1. этой главы было отмечено написание **я** на месте этимологического сочетания /je/ перед твердыми согласными в предударных слогах, которое характерно для небольшой группы писцов. У этих же писцов встречается написание **я/а** вместо **е** в заударных позициях, допускающих влияние морфологической аналогии. Причем, в них тоже наблюдается некоторая зависимость от /j/. Также отмечены написания **а** после /č'/ в слове *четыре* и его дериватах.

Необходимо рассмотреть написания после других непарных согласных.

Как уже отмечалось в Главе 1, в современных говорах качество гласного после отвердевших шипящих /š/, /ž/ (а также /š:/, /ž:/, отвердевших в большинстве южновеликорусских говоров) и аффрикаты /с/ может не соответствовать принципам вокализма, представленным после парных согласных.

В отказных книгах в этой позиции множество написаний **а** вместо **е**, тогда как после парных мягких согласных – преимущественно **е** вместо **я**. Причем, эта тенденция наблюдается как предударных, так и заударных слогах.

Первый предударный слог:

Брянск. отк. кн.: *жаны* л 861. **Белг отк. кн.:** *Щаглова* л. 859, л. 859 об. (2р). **Кар. отк. кн.:** *шаломец* л. 608., *Шамякин* л. 896, л. 986 об. **Новос. отк. кн.:** *жалвatomу* л. 979.

Второй предударный слог:

Новос. отк. кн.: *цалованю* л. 127 об., *цаловалники* л. 281 об., *цаловалники* л. 1029, **Орл. отк. кн.:** *цалованю* л. 527 об. **Рыльск. отк. кн.:** *цалованников* л. 67, *цаловалникав* л. 134. **Кар. отк. кн.:** *шаздесят* л. 895 об.

Также в Орл. отк. кн. встретилось написание *цолованю* л. 563, которое свидетельствует о том, что на этом месте находилась фонема /a/.

Встречаются и обратные замены:

Белг. отк. кн.: *площедной* л. 125, *площедной* л 819 об., *трицети* л. 702. **Белг. отк. кн.** *Ушекова* л. 569, *Ушеков* л. 569 об. (2р), л. 570. **Карач. отк. кн.:** *площедной* л. 792. Сюда же, вероятно, стоит отнести пример из **Рыльск. отк. кн.:** *с шендалцом* л. 90. *Шандалец* – «название бортного знамени»¹¹⁶.

В открытых конечных слогах совпадает с написаниями после парных согласных. Частотны написания **а** в частице *же*, наречиях *пониже*, *пригоже* и во флексии И.-В. пад. им. сущ. слов *селище*, *усадище*, *городище*, *дворище*.

В заударных слогах в основном наблюдаются написания **е** вместо **я**:

Белг. отк. кн.: *двацетъ* л. 702. **Елец. отк. кн.:** *двацет* л 144. **Мценск. отк. кн.:** *тринацетъ* л. 48 об.

В пределах Кар. отк. кн. наблюдаются разногласия. У одного писца встретилось написание **е** вместо **а**, у другого – **о** вместо **а**: Кузька Володимирова: *трицет* л. 850, *двацет* л. 850; Ивашка Гридин: *трицот* л. 55, *двацот* л. 55.

В Брянск. отк. кн. встретилось написание **я** вместо **е**: *Мачяхинымъ* л. 447 об.

Не вполне соответствует вокализму первого предударного слога, где более частотны написания **е** вместо **я**. Большинство написаний **а** вместо **е** после шипящих отвечают условиям древнерусского перехода, лишь некоторые случаи не подходят под этот принцип, так как встречаются перед слогом с передним гласным: *шаздесят* л. 895 об.

§4. Фонемы /ô/ и /ê/

В орфографии южновеликорусских отказных книг не прослеживаются закономерности, которые могли бы говорить о сохранение фонемы /ô/. Однако можно обнаружить некоторые её реликты:

Белг. отк. кн.: *зо рекую* л. 1. **Новос. отк. кн.:** *берлугу* л. 814, *от той берлуги* л. 814.

¹¹⁶ Памятники южновеликорусского наречия. С. 344.

Что касается фонемы /ê/, в ударном положении прослеживается тенденция к различению е и ѣ, в безударных позициях – тенденция к написанию е.

Свидетельством утраты /ê/ в безударных слогах в безударных слогах являются написания я на месте /ê/, а также написания ѣ на месте /a/. Приведем их еще раз.

I. я на месте /ê/: **Мценск. отк. кн.:** за мяною л. 200 об., л. 201 об., л. 345, за рячку л. 230 об. **Курск. отк. кн.:** за ряку л. 170 об., л. 304, на ряку л. 304, об., въяжати л. 664. **Вор. отк. кн. недоязжая** л. 71.

II. ѣ на месте /a/: **Белг. отк. кн.:** дравънои л. 469 об. в десътины л. 702. **Брянск. отк. кн.:** памѣти л. 101. **Кар. отк. кн.:** памѣти л. 849. **Нов. отк. кн.:** липѣга л. 23 об. **Орл. отк. кн.:** памѣти л. 674 об., л. 793, л. 905. **Рыльск. отк. кн.:** дровънои л. 328, дровънои л. 419 об., дровъног л. 600; дровънои л. 478, дровънои л. 480 об., памѣти л. 326, л. 327 об.

При этом в примерах *въяжати* и *недоязжая* утрата /ê/ связана с древнейшим с изменением /jê/>/je/.

Вопрос о сохранении или утрате /ê/ под ударением остается спорным. В предударном слоге не наблюдается закономерностей, которые могли мы свидетельствовать о различии /e/ и /ê/ (чем характеризуется, например, архаическое яканье). Возможно, что это различие писцами е и ѣ под ударением является всего лишь орфографической чертой. Учитывая наличие перехода /e/>/o/ в данных говорах, можно предположить, что графема ѣ обозначала /e/, а графема е – /e/ и ударное /o/ в позиции перед твердым согласным.

§5. Выводы

В данной главе были рассмотрены случаи неэтимологических написаний гласных в отказных книгах.

В предударных, заударных закрытых слогах, не испытывающих действия аналогии, частотны написания е на месте гласных неверхнего

подъема. Может обозначать фонему /e/, что соотносится с данными современных говоров: на южнорусских территориях зафиксированы виды предударного вокализма с произношением [e] в некоторых позициях. В остальных предударных слогах в современных говорах отмечается произношение гласных переднего ряда (правда, наряду с гласным [a]).

Как в предударных, так и в заударных слогах, не испытывающих морфологических влияний, встречаются написания ѣ на месте этимологической /a/, что свидетельствуют о наличии фонемы /e/.

В заударных открытых слогах, где в современных говорах наблюдается произношение [a], более частотны написания я вместо е.

Написания я вместо е встречаются и в заударных позициях, которые могут испытывать влияние морфологической аналогии. В современных говорах в этих позициях /a/, следовательно, графема /a/ в данных позициях обозначает /a/. В позициях, не испытывающих морфологических аналогий, частотны написания е. В некоторых случаях можно точно указать, что эти написания обозначают фонему /e/, так как наблюдается смешение с ѣ (*памяти, памети, памѣти*).

В предударных слогах (первом предударном и втором предударном) некоторые написания можно трактовать как /a/, возникшее из /o/ < /e/. В некоторых случаях это может быть распространение на безударные слоги собственно русского перехода (который отражается в отказных книгах), в некоторых можно предположить и отражение древнего перехода после непарных согласных.

Написание после шипящих и /c/ – как написания я, так и написания е. Но позиционно не совпадает с написаниями после парных согласных. Может быть отражением перехода. Но нужно проводить отдельное исследование.

Фонема /ê/ исчезла, по крайней мере, в предударной позиции. Выявлены написания, которые могут быть реликтами фонемы /ô/.

Перейдем к вопросу об отражении типа вокализма в первом предударном слоге. В Белгородской, Рыльской, Елецкой отказных книгах,

вероятно, отражается еканье – написания я на месте гласных неверхнего подъема в них редки и объясняются переходом /e/ > /o/ > /a/. В Карачевской, Мценской, Новосильской, Курской, Брянской и Орловской отказных отражается диссимилятивное яканье с /e/ в позиции «не-а». В Воронежской отказной книге, вероятно, отражается сильное яканье.

Также встретилось несколько примеров, говорящих о развитии иканья (как в предударных, так и в заударных слогах).

Заключение

В данной работе на материале Курской, Воронежской и Брянской отказных книг была изучена система вокализма после мягких согласных в южнорусских говорах XVII века.

В теоретической главе рассмотрены особенности вокализма южновеликорусских говоров и гипотезы их возникновения и развития, а также трактовки мен гласных, наблюдаемых в памятниках XVII века, намечены принципы анализа материала.

В практической главе выявлены случаи мены букв, которые могут свидетельствовать об изменении этимологических гласных. Дана трактовка фонемного значения этих неэтимологических написаний, для чего проведен анализ позиций и замен на другие буквы. Также учитывались данные современных говоров.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. В первом предударном слоге в Белгородской, Рыльской, Елецкой отражается еканье, что соответствует гипотезе Сидорова. Диссимилятивное яканье, предполагаемое Котковым, Хабургаевым и рядом других исследователей, может отражаться в Брянской, Карачевской, Мценской, Новосильской, Курской и Орловской отказных книгах. При этом в позиции в позиции «не-а» находится /e/. Во втором предударном слоге: совпадение в /e/

2. В заударных закрытых слогах, не испытывающих аналогии – в основном написание е, что трактуем как совпадение с /e/. Однако может быть и с /a/. Написания я в заударных слогах – в позициях, испытывающих морфологические аналогии. Однако эти замены наблюдают лишь у небольшой группы писцов. В конечных открытых слогах отражается яканье

3. Обнаружено несколько примеров, которые могут говорить о развитии иканья (как в предударных, так и в заударных слогах)

4. В книгах встречаются свидетельства перехода /e/ > /o/ под ударением, можно предположить распространение на предударные слоги с

последующим наложением аканья. Некоторые написания можно трактовать отражением древнего перехода /e/ > /o/ – им могут объясняться и написания после шипящих.

5. Наблюдается утрата /ê/, по крайней мере, в безударных позициях. Встретилось несколько написаний, которые могут быть реликтами /ô/.

В перспективы нашего исследования входит более полное изучение вокализма XVII века, которое следует проводить на более широком материале, в том числе, в сравнении памятниками со среднерусских территорий, современные говоры которых характеризуются еканьем.

Литература

I. Источник

Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подготовили С. И. Котков, Н. С. Коткова. М., 1977.

II. Научная литература

1. Аванесов Р. И. Лингвистическая география и история русского языка // Вопросы языкознания. 1952, № 6. С. 25-47.
2. Аванесов. Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.
3. Брок О. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.
4. Булатова Л. Н. О диалектологической экспедиции в Озерский район Московской области // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. Вып. 1. М-Л., 1947. С. 62-69.
5. Васильев Л. Л. Гласные в слогe под ударением в момент возникновения аканья в обоянском говоре // Известия ОРЯС. Т. 9. Кн. 1. 1904. С. 336-355.
6. Васильев Л. Л. К истории звука ѣ в Московском говоре XIV – XVII вв. // Известия ОРЯС. Т. 10. Кн. 2. 1905. С. 177-227.
7. Ващенко Т.Ф. Отражение локальных черт в старинном письме южновеликорусов // Источники по истории русского языка XI–XVII вв. М., 1991. С. 144-152.
8. Волкова Н. А. Фонетика курских говоров в истории и современном состоянии. Автореф. дис. д. филол. наук. М., 2004.
9. Высоцкий С. С. О звуковой структуре слова в русских говорах // Исследования по русской диалектологии / Отв. ред. С. В. Бромлей. М., 1973. С. 17-47.
10. Высоцкий С. С. Юго-западные подмосковные говоры. К проблеме переходных говоров. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1941. С. 46-47.

11. Гринкова И. П. Воронежские диалекты // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 55. Л., 1947.
12. Жарких Т. В. Язык воронежских грамот XVII в. Автореф. дисс....канд. филол. наук. Воронеж, 1953.
13. Захарова К. Ф. Время и причины утраты ъ в Москве //Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г. О. Винокура и современность / Отв. ред. С. И. Гиндин, Н. Н. Розанова. М., 1999. С. 15–27.
14. Захарова К. Ф. Пути изменения диалектных систем предупредного вокализма // Русские диалекты: Лингвогеографический аспект. М., 1987. С. 49-63.
15. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
16. Иванов В.В. Из истории волоколамских говоров XV XVIII вв. К вопросу о складывании и развитии средневеликорусских говоров на территории вокруг Москвы // Учен. зап. Института славяноведения АН СССР. Т 19. М., 1960. С. 203-287.
17. Касаткин Л. Л. Из истории аканья-яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010, № 2 (20). С. 77–102.
18. Касаткин Л. Л. Утрата <ѣ> в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке // Современные русские говоры. М., 1991. С. 14-22.
19. Князев С. В., Шаульский Е. В. Генезис диссимилятивного аканья (в связи с проблемой фонологизации фонетических явлений) // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13). С. 210-224.
20. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 2009.
21. Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
22. Колесов В. В. О некоторых особенностях фонологической модели, развивающей аканье // Вопросы языкознания. 1964, № 4. С. 66-79.

23. Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М., 1998.
24. Котков С. И. Отказные книги // Вопросы языкознания. 1969, №1. С.30-34.
25. Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии: (Фонетика и морфология). М., 1963.
26. Котков С.И. Об источниковедческом аспекте в исследованиях по истории русского языка // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973. С. 4-13.
27. Кудрявцев Ю.С. Относительная хронология типов аканья по данным лингвистической географии // Язык и текст: Межвузовский сборник. СПб., 1998. С. 92-107.
28. Кузнецов. П. С. Русская диалектология. М., 1960.
29. Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. Спб.. 2005.
30. Марков В. М. Язык «Расходной книги» Волоколамского монастыря // Памяти В. А. Богородицкого. Казань, 1961. С. 165-194.
31. Межецкая Г. Н. Вокализм первого предупредного слога после мягких согласных в елецких говорах // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Вып. 99. СПб., 2009. С. 169–173.
32. Новицкая И. С. Новосильские говоры в их истории и современном состоянии (фонетика и морфология). Автореф. дис. ... канд филол. наук. Л., 1959.
33. Осипов Б. И., Батырева Л. П., Сухоцкая Е.Б. Взаимодействие фонетических и морфологических факторов в развитии падежных форм в русских акающих говорах XV-XVIII вв. // Фонетика и письмо в их развитии: Межвузовский сборник научных трудов. Омск, 1992. С.30-39.
34. Пеньковский А. Б. Фонетика говоров западной Брянщины. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1967.

35. Родионова-Нащокина А.М. Об особенностях фонетики говоров Брянской области // Брянские говоры. Вып. 3. Л., 1975. С. 3-13.
36. Руделев В. Г. К фонологической интерпретации русского аканья // Вопросы языкознания. 1963, № 2. С. 30-38.
37. Русская диалектология / Под. ред. В. В. Колесова. М., 1998.
38. Русская диалектология / Под. ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005
39. Русская диалектология / Под. ред. Н. А. Мещерского. М., 1972.
40. Русская диалектология / Под. ред. П. С. Кузнецова. М., 1973.
41. Русская диалектология / Под. ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964.
42. Савинов Д. М. Эволюция систем вокализма в южнорусских говорах. М., 2013.
43. Сидоров В. Н. Из русской исторической фонетики. М., 1969.
44. Смирнова Ю. В. Способы описания типов яканья в южнорусских диалектах – теоретический и методический аспекты // Русский язык и литература в школе и в вузе: проблемы изучения и преподавания. Горловка, 2010. С. 290-295.
45. Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
46. Трубецкой Н. С. О звуковых изменениях русского языка и распаде общерусского языкового единства (1925) // Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987. С. 143-167.
47. Успенский Б.Ю., Живов В.М. Выдающийся вклад в изучение русского языка XVII века // International Journal of Slavic Linguistic & poetic, XXVIII. 1983. p. 148 - 169.
48. Хабургаев Г. А. Заметки по исторической фонетике южновеликорусского наречия: (Вокализм) // Учен. зап. Моск. обл. пед. института. 1966. Т. 163. Вып. 12. С. 271-314.
49. Хабургаев Г. А. О фонологических условиях развития русского аканья // Вопросы языкознания. 1965, №6. С. 55-65.

50. Хвостова Н. А. Вокализм 1–го предударного слога после мягких согласных в карачевских говорах начала XVII в. URL: http://www.lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/hvostova_na.doc.pdf

51. Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.

52. Jakobson R. Remarques sur l'evolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves. Prague, 1929. С. 83.

53. Wijk N. Van. Zur Entwicklungsgeschichte des Akanje und Jakanje // Slavia, XIII, 1934–1935, № 4. С. 640–654.

III. Справочная литература:

1. Агеева Р. А. Антропонимические основы в восточнославянской гидронимии псковских и новгородских земель // Историческая ономастика. М., 1977.

2. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Т. 4. СПб., 1866.

3. Словарь русских народных говоров. Т.3. Л., 1968.

4. Словарь русских народных говоров. Т. 17. Л., 1981.

5. Словарь русских народных говоров. Т. 37. СПб, 2003.

6. Словарь русских народных говоров. Т. 43. СПб., 2010.

7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987.